Учреждение Российской академии наук
Институт языкознания РАН

На правах рукописи

Сулейманова Рафига Рамазановна

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ФРАНЦУЗСКИМ

Специальность:
10.02.02 – Языки народов России (Кавказские языки)
10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор М. Е. Алексеев

Москва – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Настоящая диссертация посвящена исследованию синтаксической организации простого предложения агульского языка в сопоставлении с соответствующими синтаксическими моделями французского языка.

Актуальность темы. За последние годы появилось большое количество сопоставительных исследований, выполненных на материале ряда дагестанских (в первую очередь, аварского, даргинского, лезгинского) и иных языков, в основном русского (обзор работ в этой области см. в [Алексеев 2008], в меньшей степени – английского языка (в этом ряду выделим работы, касающиеся сопоставления структуры простого предложения в английском и в аварском [Исламова 1996; 1996а; 1999]; даргинском [Исрапова 2000; 2001; 2002; 2003; 2004] и лезгинском [Девришбекова 2008; 2008а; 2008б]). Тем не менее, все еще отсутствуют работы, в которых был бы проведен последовательный и детальный анализ схождений и расхождений младописьменных языков (агульского, рутульского и цахурского), не говоря уже о бесписьменных дагестанских языках, с иноструктурными языками даже на одном структурном уровне. Естественно, подобное положение существенно влияет и на практику преподавания иностранных языков в дагестанской национальной школе. Если английский язык в последние годы более или менее интенсивно привлекался к сопоставительным исследованиям на разных уровнях, то французский и немецкий языки практически оказались вне поля зрения дагестанских языковедов. Можно, например, назвать лишь единичные работы, предметом которых стало сопоставление аварского и французского языков [Газилов 1998; 2000; 2002; 2003; 2003а; 2003б], немецкого и аварского [Айтемирова 2007], немецкого и лезгинского [Залова 2009; Рагимова] и нек. др.

Сопоставление материала кавказских и индоевропейских языков, контрастирующих, с одной стороны, по своим поверхностным проявлениям и, с

другой стороны, обнаруживающих различия в основополагающих типологических принципах, дает возможность более ответственно подойти к оценке суждений, нередко носящих весьма спорный характер. В частности, весьма показательным является замечание, сделанное автором английско-русского сопоставительного исследования: “Материал различных в типологическом отношении языков красноречиво свидетельствует о том, что члены предложения, хорошо известные нам еще со времени обучения в средней школе — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство, как по своей структуре, так и по своему грамматическому оформлению значительно различаются между собой по языкам. Так, например, сказуемое в ряде кавказских языков и в баскском языке (Испания) включает в свой состав не только морфему, указывающую на носителя действия, но также и морфему адресата действия, что примерно могло бы иметь такой вид: *я я-виж(у)-он поезд, мальчик он-вид(ит)-он поезд.* Употребить глагол так, как мы его употребляем, в обычной личной форме я *вижу поезд,* оказывается невозможно. Эта особенность членов предложения кавказских и баскского языков привлекла в свое время наших советских ученых И. И. Мещанинова, М. М. Гухман, В. Н. Ярцевой и многих других, попытавшихся разобраться в этой проблеме. Оказалось, что в языках эргативного строя глагол-сказуемое выражает синтаксические связи как бы с двух сторон: он может получать морфемы — показатели не только носителя действия, но также и адресата действия. Выяснилось также, что сама форма слова, обозначающего носителя действия, зависит от семантики сказуемого, то есть если сказуемое выражено непереходным глаголом, то слово — носитель действия принимает форму так называемого абсолютного падежа; если же сказуемое выражено переходным глаголом, то слово — носитель действия принимает форму активного, или эргативного, падежа. Таким образом, сказуемое в этих языках управляет и

подлежащим и дополнением” [Аракин 1989: 172]. Детальный анализ синтаксической структуры дагестанских языков, типологически близких баскскому, показывает, что реальное положение дел в этих языках заметно отличается от представленной выше ситуации. Соответственно, одной из задач дагестанского языкознания остается задача «опровержения мифов».

Отсутствием сопоставительных исследований дагестанских и европейских языков вызвано, на наш взгляд, и мнение о меньшей вариативности языковой структуры на уровне синтаксиса, высказанное в свое время крупнейшим исследователем французского языка В. Г. Гаком, отмечавшим, что «в области синтаксиса расхождения между французским и русским языками менее значительны, чем в области морфологии», поскольку «наибольшие расхождения между языками можно обнаружить в области фонем, менее значительные - в морфологии, еще меньшие - в синтаксисе, категории которого в конечном счете отражают самые общие закономерности мышления» [Гак 1976: 174-175]. Отчасти с подобным выводом можно согласиться, поскольку в монографии В. Г. Гака проводится сопоставление типологически близких друг к другу французского и русского языков, на что указывает и сам автор: «Французский и русский языки принадлежат к языкам номинативного строя, где, в отличие от языков эргативного строя, подлежащее оформляется одинаково, независимо от переходности или непереходности, активности или пассивности глагола. Это сближает общую структуру их предложений. Синтаксические схождения особенно значительны в плане содержания: почти нет таких категорий, которые были бы в одном языке и отсутствовали в другом. Синтаксические расхождения сводятся к внешней форме (структура синтаксических единиц, их взаиморасположение, формы связи между ними) и к их функционированию» [там же: 175]. Таким образом, обращение к сопоставительному анализу языков эргативной структуры должно привести к гораздо более значительным

результатам, поскольку уже такая типологическая черта, как наличие в инвентаре основных моделей предложения в русском языке единой номинативной конструкции, которой в дагестанских обычно отвечают эргативная, абсолютная, аффективная, свидетельствует о существенном контрасте этих языков на синтаксическом уровне.

В связи с типологической вариативностью в области синтаксиса вообще, М. Е. Алексеев и Э. М. Шейхов [1993: 111] отмечают, что увеличение структурной сложности сопоставляемых объектов при переходе от фонологии к синтаксису увеличивает и комбинаторные возможности их сочетания: общие закономерности мышления являются в данном случае далеко не единственным фактором, влияющим на типологическое разнообразие синтаксических явлений.

Сходные по степени адекватности заключения можно найти и в работах дагестановедов, ср.: "... в синтаксисе существенные отличия обнаруживают субъектно-объектные отношения, координация глагола в зависимости от семантики (переходности и непереходности) глагола. Дагестанские языки являются языками эргативной типологии. Значительны расхождения и в порядке слов в предложении: в русском языке линейность слов свободна, в дагестанских языках доминируют определенные ограничения. Случай же, когда в предложении "мать видит дочь, дочь видит мать" подлежащее отличается только по его месту, в русском языке исключительный" [Ибрагимов 1989: 14]. Как можно заметить, представленная характеристика в одной своей части весьма поверхностна, а в другой части не соответствует действительным синтаксическим свойствам дагестанских языков (ср. [Алексеев, Шейхов 1993: 110-111].

Таким образом, выбор темы настоящего исследования обусловлен не только практическими задачами преподавания иностранных языков в национальной дагестанской школе, но и теоретическими проблемами

контрастивной лингвистики в целом. Важным в этом отношении аспектом является выбор языка – эталона для сравнения. На фоне преобладания русско-дагестанских сопоставительных исследований нетрудно заметить, что и грамматические описания языков Дагестана, не ориентированные на сопоставление различных языковых структур, продолжают опираться на явное или неявное соположение фактов исследуемых языков с аналогичными явлениями русского языка. На практике это проявляется в проблеме адекватного переводного эквивалента на русский язык для того или иного примера на описываемом языке. По существу исследователи стремятся найти в русском языке единицу, которая функционально наболее соответствовала бы описываемой грамматической единице, ср. такие формулировки, как «русские сложноподчиненные предложения передаются (в агульском языке. – *Р.С.*) конструкциями с деепричастными, причастными, инфинитивными оборотами" [Магометов 1970: 177].

С учетом того, что прямые аналогии выявляются при сопоставлении дагестанских языков с русским далеко не во всех случаях, привлечение к анализу языков с иными типологическими характеристиками должно дать возможность выявить те типологически существенные черты, которые до сих пор были слабо освещены в лингвистической литературе. С этой точки зрения выбор французского языка обладает рядом преимуществ: прежде всего, французский является языком аналитического строя, в отличие от русского, в большей степени демонстрирующего черты синтетизма, и образует подчас гораздо больше черт сходства с дагестанскими языками.

Исходя из охарактеризованных выше обстоятельств **цели и задачи** данного исследования можно сформулировать следующим образом: в диссертации предлагается комплексный анализ простого предложения агульского и французского языков в сопоставительном плане. С достижением

этой цели сопряжено решение нескольких более конкретных задач, а именно:

1. Выявление и грамматический анализ синтаксических явлений агульского языка, не получивших в дагестанском языкознании достаточного освещения. Необходимость решения этой задачи обусловлена практическим отсутствием описаний синтаксических структур агульского языка, исключение составляет монография З. К. Тарланова [1994], содержащая краткий синтаксический раздел. На этом фоне более длительная традиция отечественной и зарубежной романистики и французской лингвистики, на наш взгляд, может послужить предметом для подражания дагестанских ученых: назовем здесь прежде всего образцовые работы В. Г. Гака [1976; 1986 и др.] и нашедшие широкий отклик в мировой лингвистике синтаксические построения Л. Теньера [1988], не говоря уже о крупнейших представителях общего языкознания – Ф. де Соссюре [1977], А. Мейе, Ш. Балли [1955], Э. Бенвенисте [1974], А. Мартине [1963] и др. К этому стоит добавить замечательную школу французских кавказоведов, представленную такими именами, как Ж. Дюмезиль [Dumézil 1933; 1933а; 1937], К. Пари [Paris 1974], К.Чехофф [Tschekhoff 1978], Ж. Шарашидзе [Charachidzé 1981], Ж. Отье [Authier 2008] и др.

2. Уточнение грамматического статуса явлений (грамматических категорий, членов предложения и т.п.), получивших не только в агульском, но и в дагестанском языкознании в целом неоднозначную квалификацию (ср. взгляды Р. М. Шаумяна [1935], А. А. Магометова [1967], Н. Д. Сулейманова [1993], З. К. Тарланова [1994], а также работы последних лет – С. Р. Мердановой [2004] и др.), в связи с квалификацией аналогичных явлений в романистике.

3. Выявление структурных схождений и расхождений в синтаксической структуре простого предложения сопостовляемых языков. Анализ возможных причин черт подобия и контрастирующих характеристик в этих языках.

4. Формирование адекватного инвентаря агульской лингвистической

терминологии на основе сопоставления соответствующих синтаксических явлений с их аналогами во французском языке.

5. Сопоставление рассмотренных синтаксических явлений с положениями общей типологии.

Представляется важным решение этих задач осуществлять в определенной последовательности, поскольку некоторые из них увязываются с последующим осмыслением тех практических результатов, которые были получены в ходе непосредственного сопоставительного анализа синтаксических структур агульского и французского языков, что составляло задачу первых этапов исследования. В целом же все перечисленные выше задачи представляют собой неотъемлемые составные части данного исследования, во многом определяя специфику и методы решения остальных задач.

В связи с поставленными задачами следует также отметить, что в дагестанско-русской сопоставительной лингвистике в настоящее время уже имеется существенный исследовательский опыт, относящийся не только к собственно сопоставительным изысканиям, но и к научным трудам, на первый взгляд, фиксирующим внимание лишь на материале агульского языка, а также родственных дагестанских и особенно лезгинских языков.

Собственно, история изучения агульского языка насчитывает уже более 100 лет, охватывая практически все XX столетие, начиная от монографии А. Дирра [1907], в которой хотя и отсутствует синтаксический раздел как таковой, в морфологических разделах мы находим немало сведений о синтаксической структуре агульского языка. Например, характеризуя падежи, А. Дирр отмечает наличие посессивной конструкции с генитивом субъекта обладания, оформление субъекта дативом при соответствующих глаголах; эргативный падеж трактуется А. Дирром как творительный. Монография Р. Шаумяна [1941] также ограничивается очерками фонетики и морфологии, хотя они и содержат

ряд интересных сведений по синтаксису. Эргативный падеж здесь назван активным, что, на наш взгляд, более целесообразно. В монографии [Магометов 1970] мы находим специальный раздел «Основные вопросы синтаксиса», содержащий следующие положения:

- определяющее с определяемым в агульском языке не согласуется ни по классам, ни по числам и не изменяется по падежам. Определение предшествует определяемому [там же: 175];

- глагол не согласуется с именем по лицам, по грамматическим классам и числам.

- глагол управляет именем: реальный субъект при непереходном глаголе стоит в именит, падеже, при переходном глаголе — в эргативе; ближайший реальный объект при переходном глаголе стоит в именительном падеже [там же: 176];

- дательный падеж является падежом реального субъекта при глаголах чувствования и падежом косвенного объекта при переходных глаголах [там же];

- в агульском языке нет относительных местоимений, нет и подчинительных союзов. Русские сложноподчиненные предложения передаются конструкциями с деепричастными, причастными, инфинитивными оборотами [там же: 177];

- там, где русские придаточные предложения передают косвенную речь, там в агульском — прямая речь [там же].

Эту же информацию находим в кратком грамматическом очерке агульского языка [Магометов 1967].

В работах Н. Д. Сулейманова [1979; 1993; 2002; 2003 и др.] синтаксическая проблематика не рассматривается, хотя приводимый материал может служить хорошей иллюстрацией целого ряда интересных с типологической точки зрения синтаксических явлений, ср. "Как и во всех языках эргативной конструкции, в

агульском при переходных глаголах эргатив служит логическим субъектом: *Бава* (эрг.) *гуни файни* «Мать принесла хлеба». Но эргатив может стоять и при непереходных глаголах, оставаясь при этом логическим субъектом: *Рамазана* (эрг.) *гида габач ихьуни* «Рамазан дал ему шлепка». Отсутствие в такого рода предложении прямого дополнения У. А. Мейланова объясняет переходом его в состав сложного глагола (в нашем примере *габач ихьас* «дать шлепка»). Некогда именная часть этих глаголов состояла при переходных глаголах и выполняла функцию дополнения» [Сулейманов 1979: 100-101].

Существенные результаты по синтаксису агульского языка были получены в свое время в результате типологического обследования дагестанских языков А. Е. Кибриком [1979], проследившим правила кодирования актантов в независимом предложении, синтаксическое поведение сентенциальных актантов, особенности рефлексивизации, а также сочинение предложений. Это дало возможность дать характеристику соответствующим явлениям в терминах эргативности, аккузативности и нейтральности. Переработанный вариант этого исследования вошел в книгу [Кибрик 2003: 520-534].

Первое описание синтаксиса агульского языка представил З. К. Тарланов в комплексном описании языка, истории и этнографии агульцев [1994]. Кстати, этот факт оказался несправедливо незамеченным в рецензии М. Е. Алексеева [1995]. Между тем, в книге мы находим достаточно подробное изложение таких вопросов, как способы и порядок выражения субъектно-объектных отношений; подлежащее и сказуемое; второстепенные члены предложения; структура глагола и структура предложения; сложное предложение; способы выражения сравнительных, причинных, локативных, посессивных, количественных и некоторых других отношений.

Краткий грамматический очерк агульского языка М. Е. Алексеева и Н. Д. Сулейманова [1999] также содержит некоторые сведения по синтаксису. В

частности, здесь отмечается противопоставление повествовательного, вопросительного, повелительного и восклицательного предложений, «в образовании которых участвует характерная для них интонация. В вопросительных, повелительных и восклицательных предложениях кроме интонации участвуют и отдельные лексические средства: в вопросительных предложениях – вопросительные слова и частицы: *вун хулади фас ъачаверефттава?* ‘ты почему не заходишь домой?’; в повелительных – повелительная форма слова *гул* ‘исчезни’: *гул зе уларигьас!* ‘вон (исчезни) с моих глаз!; в восклицательных – восклицательные частицы *хуб, фи: хуб идже ду агъул сувар! / фи идже ду агъул сувар!* ‘как прекрасны агульские горы!’» [там же: 407]. Аналогичная характеристика дается в очерке Н. Д. Сулейманова [1999].

В посвященном агульской морфологии исследовании С. Р. Мердановой [2004; 2004а] мы находим большое количество наблюдений, непосредственно касающихся синтаксической структуры агульского языка. Это же можно сказать об отдельных статьях, написанных С. Р. Мердановой в соавторстве [Ганенков, Мерданова 2002; Ганенков и др. 2006; Майсак, Мерданова 2002; 2003; 2003а; Мерданова, Федорова 2002]

В нашем кратком обзоре мы представили только работы, которые хотя бы частично затрагивают синтаксическую проблематику. Надо сказать, что другие аспекты изучения агульского языка освещены пока далеко не на достаточном уровне; отметим в связи с этим исследования [Гайдаров, Гасанова 1996; Мерданова, Гасанова 1997; Гасанова 2000; Магомедова 2000; 2001; Велиева 2007; Исрафилов 2007; Каидов 2007 и др.]

Таким образом, **научная новизна** настоящей диссертации заключается в том, что в ней впервые для дагестанского языкознания исследуется специфика построения агульского простого предложения на основе

ее сравнения с аналогичными структурами, функционирующими в языке аналитического строя, впервые предпринимается опыт комплексного соположения эргативной и номинативной структур в этих языках. Это позволяет не только уточнить набор дифференциальных признаков синтаксической структуры агульского языка, но и зафиксировать ряд конкретных наблюдений, касающихся отдельных структурно-семантических типов словосочетания и предложения, которые проявляются в сопоставляемых языках.

Теоретическая значимость настоящей диссертации усматривается прежде всего в тех возможностях, которые предоставляет контрастивное описание грамматики малоисследованного языка, оперирующее понятием языка-эталона, для всестороннего раскрытия его своеобразия, в то время как описание языка без обращения к внешнему эталону нередко приводит к выпадению из поля зрения существенных фрагментов языковой структуры. Кроме того, отсутствие эксплицитной сопоставительной традиции приводит к тому, что некоторые грамматические описания дагестанских языков имплицитно как бы копируют в своей принципиальной схеме русскую, в результате специфика морфологической и синтаксической структуры описываемых языков остается нераскрытой.

В случае наличия значительного контраста между отождествляемыми категориями и явлениями нередко возникают практически непреодолимые противоречия между предлагаемыми исследователями интерпретациями, которые порождают продолжительные и, как правило, малоэффективные дискуссии. Среди дискуссий такого рода можно назвать, например, обсуждение статуса сложноподчиненного предложения в его отношении к инфинитным, т.е. причастным, деепричастным и масдарным оборотам в языках Кавказа, о статусе главных членов предложения, начиная с концепции пассивности эргативной

конструкции П. К. Услара, и др.

Подобные ситуации в результате сопоставительного анализа должны сводиться к минимуму прежде всего самим эксплицитным характером выявленных сходств и раззличий: сопоставляемые явления не могут быть отождествлены только по одному ряду признаков в ущерб другому такому ряду.

Практическая значимость сопоставительного исследования агульского и французского языков, как и в целом дагестанских и иностранных языков, состоит в том, что такой анализ дает возможность получения прочной лингвистической базы для совершенствования методики преподавания грамматики соответствующего иностранного языка в дагестанской национальной школе, на что неоднократно указывалось в специальной литературе, ср.: "В целях раскрытия причин или предупреждения возникновения тех или иных ошибок, допускаемых учащимися в изучаемом ими иностранном языке в условиях многонациональных школ, нужен тщательный типологический анализ ошибок, сопоставительный анализ явлений изучаемого иностранного языка отдельно с родными и русским языками на соответствующих лингвистических уровнях" [Ильясов 1991: 12].

Методы исследования. Поскольку диссертация посвящена сопоставлению синтаксических явлений неродственных языков, в ней используется весь спектр приемов и способов анализа, применяемых в контрастивной лингвистике. В числе приемов, диверсифицирующих методику исследования, можно назвать, в частности, (а) выявление только различий (конфронтативная лингвистика) или же демонстрацию различий на фоне сопутствующих тождеств: (б) сопоставление по схеме "от формы к содержанию" или же "от содержания к форме". Очевидным при этом представляется доминантное положение такого подхода, который за точку отсчета берет содержание, поскольку это дает возможность в более компактной

и обозримой форме представить все возможные поверхностные представления одной и той же содержательной структуры – функционально-семантического поля, если воспользоваться терминологией авторов серии монографий по теории функциональной грамматики [см., например, Теория… 1990: 3].

Одним из методических приемов сопоставительного исследования можно считать также его опору на собственно типологическое направление, использующее в качестве основного понятие языкового типа. В области синтаксиса это направление реализуется прежде всего в контенсивной типологии, которая исследует в первую очередь способы передачи в языках различной типологии субъектно-объектных отношений. Естественно, что для сопоставительного синтаксиса французского и агульского языков немаловажное значение имеет их принадлежность соответственно к номинативному и эргативному типам, чем можно объяснить целый набор их конкретных дифференциальных черт: "именно семантический фактор позволяет в этом случае найти определенные основания для сопоставления формальных средств самых разных языков" [Климов 1983: 14-15]. В кавказоведении контенсивно-типологическое направление представлено такими работами, как [Структурные общности...1978; Климов, Алексеев 1980, Кибрик 2003 и др.], где проводится анализ прежде всего способов выражения субъектно-объектных отношений в различных дагестанских и других кавказских языках. Особо в этом ряду хочется выделить работу А. Е. Кибрика по кошанскому диалекту агульского языка [Кибрик 1979].

Говоря о типологических исследованиях дагестанских языков, нельзя не указать на основополагающие труды акад. И. И. Мещанинова, который предполагал, что «центр выражения синтаксических отношений эргативного строя предложения сосредотачивается в глаголе. В языках лезгинской группы (ср. лезгинский, агульский), наоборот, центр передачи эргативной конструкции

переносится на имена. Глагол в этих языках остается по своей внешней форме нейтральным. Он не получает ни аффиксов лица, ни классных показателей. По своему построению глагол в лезгинском и агульском языках не различает переходных и непереходных форм. Значение глагола устанавливается контекстом предложения, в котором глагол выделяется своею семантикою. Его грамматическая форма, передающая времена и наклонения, не имеет отношения ни к другим членам предложения, ни к его построению. Конструкция предложения при всех временах глагола остается тою же» [Мещанинов 1967: 66-67].

В современной контрастивной лингвистике были выработаны некоторые общие принципы, если не обязательные, то, по крайней мере, способствующие более точному анализу, в т.ч.:

1. Системность анализа (сопоставление отдельных явлений должно проводиться не изолированно, а в общей системе). С учетом этого принципа, например, совпадение номинатива и эргатива личных местоимений 1-го и 2-го лица в агульском языке должно, с одной стороны, рассматриваться на фоне дифференциации этих падежных единиц у местоимений 3-го лица (= указательных) и, с другой стороны, увязываться с более общими принципами синтаксической иерархизации актантов в эргативных и номинативных языках:

2. Многоаспектность сопоставления, ср. «Грамматические явления разных языков могут сопоставляться в плане содержания, в плане выражения и в плане функционирования» [Гак 1977: 82].

3. Сопоставимость сравниваемых явлений. Данный принцип подразумевает, во-первых, равную степень полноты изученнности сопоставляемых явлений в обоих языках, во-вторых, их принадлежность к более или менее эквивалентным понятийным областям и, в-третьих, использование адекватных лингвистических терминов. Так, говоря о наличии лабильных

(переходно-непереходных) глаголах в абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языках, приводят пример из адыгейского языка: «Представление о двоякого рода синтаксических потенциях переходно-непереходных глаголов в рассматриваемых языках дает, например, адыгейское *пкIэн* 'полоть'. С одной стороны, оно обусловливает эргативную конструкцию предложения: *лIыжъы-м хатэ-р я-пкIэ* 'старик огород полет (пропалывает)'. С другой стороны, оно образует и абсолютную конструкцию: *лIыжъы-р ма-пкIэ* 'старик полет (вообще), занимается прополкой'» [Структурные общности 1978: 37]. Между тем, дагестанские лабильные глаголы ни по лексическому составу, ни по формальным признакам образуемых ими конструкций не могут быть приравнены к одноименным единицам абхазско-адыгских языков.

4. Двусторонность сравнения. По словам У. К. Юсупова, «двустороннее сравнение - это сравнение, проводимое при условии их равноправных отношений по материалу систем. При таком сравнении в поле зрения попадают особенности обоих сравниваемых языков. Двустороннее сравнение, в отличие от одностороннего, позволяет предвидеть все межъязыковые интерференции, выявить ранее незамеченные признаки как первого, так и второго языка» [1987: 198]. По нашему мнению, такой подход оказывается оправданным далеко не во всех случаях: исходя из необходимости одинаковой степени изученности сравниваемых фактов двух языков, более пристальное внимание необходимо уделить материалам менее изученного языка, т.е. агульского.

Существенную помощь для данного сопоставительного агульско-французского исследования оказало знакомство с аналогичными работами, проведенными на материале других дагестанских языков. Помимо упоминавшихся выше диссертаций У. А. Исламовой [1999], Исраповой [2004], а также А. Н. Девришбековой [2008], отметим также сопоставление простого предложения в даргинском и русском языках [Багамаева 2007] и работы,

ограничившие предмет исследования отдельными фрагментами синтаксической структуры. Так, проблемы классификации предложений по цели высказывания на материале сопоставления русских и лезгинских высказываний были исследованы Г. И. Ахмедовым [1999 и др.]. Некоторые исследования посвящены сопоставлению словосочетаний в дагестанских и русском языках [Матиева 2004; Каручева 2006; Байрамова 2007; Какваева 2007 и др.], валентностным характеристикам [Шерифова 2009]. Особенно важным для нас является наличие специальных статей, в которых в сравнительном плане рассматривается материал агульского языка [Гасанова 2001; 2004].

Другая существенная часть специальной литературы представлена исследованиями, в которых синтаксис выступает как составная часть. Так, синтаксис рассмотрен в одном из разделов обобщающей работы З. М. Загирова [2002], где представлены основные особенности словосочетания, простого и сложного предложения. Синтаксический раздел представлен в работе по сопоставительной грамматике аварского и русского языков Г. И. Мадиевой [1991]. В разделе рассмотрены особенности выражения членов предложения в сопоставляемых языках.

Значительное внимание уделено синтаксической проблематике в работах по сравнительной грамматике лезгинского и русского языков Э. М. Шейхова [1994; 2004 и др.]. Рассматривая словосочетания, автор приходит к выводу, что «наиболее эффективным сопоставление в сфере именных словосочетаний, как показывает наше исследование, оказывается в случае опоры на понятие именной группы – сложного сочетания, включающего определяемое имя со всеми потенциальными определениями. Это дает возможность установить, например, закономерности относительного расположения не только различных видов определения и определяемого (например, препозиция генитивного определения в лезгинском и соответствующая ему постпозиция в русском), но и

соотносительного расположения разных видов определения между собой (например, порядок "качественное прилагательное – относительное прилагательное" в русском, но "генитивное определение – адъективное определение" в лезгинском)» [Шейхов 2004: 243-244]. В то же время «предложение совпадает в сопоставляемых языках по своим дифференциальным признакам и прежде всего по наличию предикативности, реализуемой в формах времени и модальности, не ограничиваясь рамками морфологических категорий, но охватывая и широкий диапазон лексических и синтаксических средств» [там же: 244].

Материалы исследования. Материалом для настоящей диссертации служили, с одной стороны, теоретические положения и конкретные наблюдения, содержащиеся в имеющихся исследованиях по французскому и агульскому (и шире – по дагестанским) языкам. При этом следует учитывать, что французский язык к настоящему времени изучен в большей степени, так что основное внимание концентрируется на материале агульского языка, на тех неисследованных участках его грамматической структуры, которые могут быть с большей адекватностью освещены на фоне соответствующих данных французского языка, уже получивших интерпретацию в отечественной или зарубежной романистике. Как французские, так и агульские материалы почерпнуты нами в основном из современной художественной прозы. Специальный сопоставительный анализ был проведен на основе переводных текстов Нового Завета (Инджил 2005; La Bible en français courant 1997), что дало возможность выявить в сопоставляемых языках различные стратегии в кодировании идентичных смыслов.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в нескольких публикациях автора общим объемом 3,5 авторских листа, а также на всероссийских конференциях и на заседаниях отдела

кавказских языков Института языкознания РАН.

Объем и структура работы. Диссертационная работа изложена на 150 страницах и состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы и списка источников.

Глава 1. СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

1.1. Определение и общая характеристика

Согласно «Словарю лингвистических терминов» словосочетание определяется через "соединение двух или более знаменательных слов..., служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления" [Ахманова 1966: 426]. В определение словосочетания может также включаться требование обязательного подчинения одного из компонентов другому, ср.: "синтаксическая конструкция, образуемая соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи – *согласования, управления* или *примыкания*" [ЛЭС 1990: 469].

В сопоставительном французско-русском исследовании В. Г. Гак [1976] пользуется термином "словосочетание», хотя и не дает его определения. Более того, в некоторых случаях предпочтительным для него оказывается термин «синтаксическая группа», ср. «При недостаточности морфологических средств выражения синтаксической связи важнейшую роль приобретает во французском языке степень сплоченности компонентов словосочетания, которая приводит к стяжению синтаксических групп» [Гак 1976: 184]. В дальнейшем изложении вводятся понятия сплоченности компонентов синтаксической группы и полноты синтаксической группы [там же: 184-185][1]. Это понятие, на

---

[1] В работах по синтаксису рассматривались и другие синтаксические единицы, стоящие в одном ряду со словосочетанием, ср., например: «Для обозначения лексических конструкций, составными элементами которых являются лексемы (в частности, переходные глагольные лексемы в форме инфинитива), мы обычно используем термин «фразы». Однако такие конструкции можно называть и

наш взгляд, близко к тому, что Л. Теньер называл узлом: «Узел мы определим как совокупность, состоящую из управляющего слова и всех тех слов, которые — прямо или косвенно — ему подчинены и которые он в некотором роде **связывает** в один пучок» [Теньер 1988: 25]. Термин словосочетание мы встречаем и у Теньера: "Рассмотрим, например, французское явно центробежное словосочетание un chemin montant, sablonneux, malaisé *(La Fontaine.. Fables, VII - 9) букв.* 'дорога, идущая в гору, песчаная, трудная' (см. ст. 14). Если мы хотим перевести это словосочетание на какой-нибудь центростремительный язык, например на немецкий, мы должны **инвертировать** порядок следования подчиняющего элемента chemin и трех ему подчиненных — montant, sablonneux и malaisé» [Теньер 1988: 34]. Как видим, здесь речь идет не просто о словосочетании, а о видах словосочетания – центробежном и центростремительном (кстати, агульский язык дает именно последний тип построения словосочетания). Тем не менее, определения словосочетания Л. Теньер также не дает.

Специалисты по агульскому языку не рассматривали словосочетание как самостоятельную единицу, что, возможно, вызвано отсутствием подробных описаний агульского синтаксиса. Исключение составляет работа С. Н. Гасановой [2004], в которой в качестве объекта исследования выступают словосочетания с комплетивными отношениями. По мнению автора, «национальная специфика различных языков находит свое выражение в особенностях структуры словосочетаний (в сильных или слабых

«словосочетаниями», хотя этот термин, широко употребляемый в отечественной лингвистической литературе, применяется и по отношению к синтаксическим конструкциям — синтагмам, вычленяемым на основе синтаксических связей из предложений [Мухин 1987: 8]».

синтаксических связях), а также в различной лексической сочетаемости слов» [там же: 34].

Обращение к исследованиям по синтаксису других дагестанских языков, в особенности сопоставительных [Матиева 2004; Каручева 2006; Байрамова 2007; Какваева 2007] показывает следование традициям русистики. Так, З. М. Байрамова [2007: 8] приводит определение словосочетания из «Лингвистического энциклопедического словаря» (см. выше), считая его применимым как к русскому, так и к табасаранскому языкам.

В специальной работе, посвященной аварскому словосочетанию, мы находим характеристику, повторяющую определение О. С. Ахмановой (см. выше): это "соединение двух или более знаменательных слов, связанных между собой по смыслу и грамматически и служащих для расчлененного обозначения качества предмета, действия и т.д." [Сулейманова 1980: 28].

Таким образом, словосочетание в своем обобщенном виде представляет собой универсальную единицу с едиными для разных языков дифференциальными характеристиками. В то же время оно обладает в каждом конкретном языке и специфическими чертами, например, деление словосочетаний на именные, глагольные, адъективные, нумеративные и т.п. типы зависит от того, какие в данном языке выделяются части речи и, соответственно, от того, какая часть речи выполняет в словосочетании роль главного компонента.

Специфику моделей словосочетания, выявляемую в том числе и при контрастивном анализе, позволяет определить, в частности, процедура, предложенная в свое время В. Н. Ярцевой [1981: 38]. Эта процедура (для атрибутивных словосочетаний) предусматривает следующие конкретные шаги:

1) позиция определения (до или после определяемого, ср. центробежность и центростремительность у Л. Теньера),

2) примыкание определения или его отрыв от определяемого (т.е. контактность или дистантность),

3) лексико-грамматическая принадлежность определения (какой частью речи оно выражено),

4) формы выражения синтаксической связи (примыкание, согласование, управление и т.д.),

5) возможности синонимических замен,

6) возможности расширения словосочетания путем

а) параллельного включения однородных членов,

б) расширения словосочетания при расширении определения звисимыми от него членами,

в) структурной разности сравниваемых языков при семантической эквивалентности расширенных словосочетаний.

Как представляется, данная процедура вполне применима как для классификации типов словосочетаний, так и для сопоставления.

1.2. Виды и способы выражения синтаксической связи

В процедуре анализа словосочетания установление форм выражения синтаксической связи занимает, на наш взгляд, одно из центральных мест. Более того, характеристика особенностей проявления примыкания, согласования и управления включается в синтаксические работы независимо от того, рассматривается ли в них понятие словосочетания. Релевантной для выявления природы синтаксических отношений в рамках сочетаний слов является дифференциация подчинительных и сочинительных отношений (ср. требование наличия подчинительной связи в словосочетании согласно определению «Лингвистического энциклопедического словаря»).

1.2.1. Сочинение и подчинение

1.2.1.1. Сочинительные отношения

Сочинительные отношения охватывают связи слов, словосочетаний и предложений. В плане значения они (равно как и выражающие их союзы) обычно классифицируются на соединительные, противительные и разделительные. Среди соединительных союзов выделяется французский союз et, который соединяет однородные члены предложения, в том числе и однородные существительные, а также предложения. В оформлении однородных членов ему отвечает в агульском языке повторяющийся союз (частица) *–ра*. Эта союзная частица, в отличие от своего французского коррелята, маркирует оба однородных члена:

Равноправие членов сочинительной конструкции исследователи усматривают в возможности их перестановки без ущерба смыслу. Эта закономерность в определенных условиях может нарушаться: например, в тех случаях, когда в один из членов сочинительной конструкции входит притяжательное местоимение, ср.:

Лука 7: 17 Et dans toute la Judée et ses environs

кIилди Ягьудея дерейиъра кIилди Ягьудея дерейин багулив фая муг кьвариъра (в агульском налицо повтор лексемы)

по всей Иудее и ее окрестностям.

Как видно из примера, изменение порядка компонентов в таких конструкциях невозможно вследствие соотнесенности местоимения с лексемой, находящейся в более раннем фрагменте текста.

В переводных текстах обычно следование компонентов обусловлено их порядком в оригинале. Однако возможны сочинительные конструкции, не обусловленные особенностями оригинала. Так, в следующем примере греческий

текст имеет местоимение «они»:

Лука 6: 11 Mais les maîtres de la loi et les Pharisiens

Фарисеярисна Iелимарис

А противники Иисуса… (синодальный перевод: Они же…)

Обращает внимание разный порядок следования компонентов сочинительной конструкции в агульском и французском языках.

Агульский союз имеет варианты. Алломорф *–а* имеет место в случае исхода на –р лексемы, к которой присоединяется союз[2]:

Лука 1: 16 toutes les lois et tous les commandements du Seigneur

Аллагьди пунаттара, ликIинаттара (Богом сказанное-и, написанное-и)

по всем заповедям и установлениям Господним;

Лука 1: 58 Ses voisins et les membres de sa parenté

Элизаветтайин къуншибура, багунттара

Ее соседи и родственники

Лука 1: 55 Abraham et ses descendants

Ибригьимасра гин халкьдисра

к Аврааму и потомкам его

Как видно, в сочинительной конструкции возможно наличие тождественных лексем, причем вторая во всех языках подвергается прономинализации. В подчинительных конструкциях имеем рефлексивизацию, хотя в целом подобное явление не характерно для подчинительных словосочетаний (ср. ***сын своего отца***, где употребление возвратного

[2] По А. А. Магометову [1970: 173], «Если слово, к которому присоединяется союз ra „и", оканчивается на r, то последний утрачивается, оставив след в возместительной долготе предшествующего гласного: xawāra (← xawar-ra) u□idāra (← u□idar-ra) „и женщины и дети"».

местоимения имеет дополнительную семантику).

Употребление возвратного притяжательного местоимения в сочинительной конструкции возможно. Однако в этом случае оно будет выступать в качестве заместителя тождественной лексемы вне пределов конструкции:

Лука 1: 55 lui-même et ses compagnons

учра учин инсанара

сам он и люди его.

В данном примере возвратное местоимение в агульском языке употреблено дважды в логофорической функции, будучи тождественным подлежащему главного предложения *Давуда* 'Давид (эрг.)'.

В агульском имеется также постпозитивная союзная частица *–на*, употребляющаяся в том же значении[3]:

Лука 1: 16 avec **l'esprit et** la puissance du prophète Élie

пайгъамбар Илйайин суман ***руьхIна*** *кьуват хъай*

исполненный **духом и** силой Илии;

---

[3] А. А. Магометов рассматривает оба союза как синонимы, ср.: «Соединительные союзы ra и na со значением „и" : ruš-ra geda-ra „девочка и мальчик" (досл. „и девочка и мальчик"), ruš-na geda „девочка и мальчик".

ra „и" присоединяется ко всем словам и является скорее частицей. Союз na „и" не присоединяется к последнему слову: xewer-na iler „жена и муж"; baw-ra, gag-ra, Q'üse baw-ra šahurdi xinaw „мать, отец и бабушка уехали в город"; baw-na gag šahurdi xinaw „мать и отец уехали в город", срв. baw gagra qaj šahurdi xinaw „мать с отцом уехали в город"; hᵓajwandisra hᵓanisra jaqwar kᵓeq || hᵓajwandis-na hᵓanis jaqwar kᵓeq „лошади и корове дай сено!"

Союзы ra и na могут присоединяться к словам, стоящим в различных падежных формах.

Лука 2: 33 Le père et la mère de Jésus

Дадна баб (общий зависимый компонент опущен)

И отец ребенка, и мать Его

Как видим, в отличие от членов подчинительного словосочетания, компоненты сочинительной конструкции могут иметь общий зависимый компонент.

В агульском французскому союзу может соответствовать и бессоюзная конструкция:

Лука 1: 16 pour te parler et t'apporter cette bonne nouvelle

вас гьеме пас, вас идже хабар акьас

говорить с тобой и принести тебе эту радостную весть

Допустимы также разного рода трансформации исходной сочинительной конструкции:

Лука 2: 16 ils trouvèrent Marie et Joseph, et le petit enfant couché dans la crèche

джикIиная гебури Юсуфна Майрам. ТIунаъ икIуна бицIи шиникквра ахьуная.

и нашли Марию, Иосифа и Младенца, лежащего в яслях

Последний член сочинительной конструкции, осложненный причастным оборотом, в агульском переводе получает статус самостоятельного предложения с исходным причастием в качестве сказуемого.

Многочленные конструкции допускают чередование бессоюзной связи и союза et:

Лука 6: 14-16 Simon - auquel il donna aussi le nom de Pierre - et son frère André, Jacques et Jean, Philippe et Barthélemy, Matthieu et Thomas, Jacques le fils d'Alphée et Simon -- dit le nationaliste --, Jude le fils de Jacques et Judas Iscariote, celui qui devint un traître

Симон, Iисайи гил алихьуная Петтру пуна ттур, гин чу Андрей, Якьуб, ЯхIъя, Филип, Варфаламей, Матфей, Фума, Алфеян кIиркI Якьуб, Симон, гихъ хъитIуна ахьуная Зилут, Якьубан кIиркI Ягьуда, Ягьуда Искариут, хабди Iиса масса еф.

Это Симон, которого Он назвал Петром, его брат Андрей, Иаков, Иоанн, Филипп, Варфоломей, Матфей, Фома, Иаков, сын Алфея, Симон, по прозвищу Зелот, Иуда, сын Иакова, **и** Иуда Искариот, который стал предателем.

Как видим, в агульском переводе союзы отсутствуют, в т.ч. и союзная частица *-ра*, в русском союз присоединяет только последний член конструкции.

Если в сочинительные отношения вступают предложные конструкции, тождественный предлог во втором компоненте опускается:

Лука 1: 79 pour Joseph et Marie

Юсуфана Майрама

им... (Иосифу и Марии)

В ряде случаев тождественный предлог не подвергается эллипсису (в агульском и русском его коррелятом нередко выступает падежная форма без предлога/послелога, которая повторяется обязательно):

Лука 1: 79 étaient surpris **de** son intelligence et **des** réponses qu'il donnait

муьхIтал вей хьуная Гин фикирарил, Гин гъургъубарил (бессоюзная связь)

изумлялись Его уму и ответам;

Лука 3: 16 Il vous baptisera avec le Saint-Esprit et avec du feu

Ги чун мертт аркьай ахьасе Аллагьдин РуьхIуьлдина цIилди

Он омоет вас Духом Святым и огнем;

Лука 1: 79 dans la nuit et dans l'ombre de la mort

мучIаъ ешемиш вей, Iеджаликк ккеяттарис

живущих во тьме и тени смертной

В агульском в данном примере имеет место трансформация с

использованием зависимого глагола.

Ср. также отсутствие эллипсиса тождественного притяжательного местоимения:

Лука 2: 44 parmi leurs parents et leurs amis

багунттаригI, ягIаттаригI

среди родственников и знакомых.

В агульском и русском притяжательные местоимения опущены вследствие избыточности.

Аналогичное соотношение наблюдаем и в связи с употреблением кванторных местоимений:

Лука 3: 5 toute montagne et toute colline seront abaissées

гунтIарна сувар хъеба хьурай

а холм и гору сровняют с землей.

Личные местоимения в сочинительных конструкциях выступают в особой так называемой самостоятельной форме, отличной от приглагольной формы [см. Гак 1986: 160-161]:

Лука 2: 48 Ton père et **moi**

Ве дадра ***зунна*** *(< зун-ра)*

мы с Твоим отцом...

Объединение сочинительных конструкций двух уровней требует использования иных союзных средств, в частности союза ainsi que 'также как и':

Лука 5: 17 de tous les villages de Galilée et de Judée, ainsi que de Jérusalem

Галилеяна Ягьудея агъа деребурин хIурариасна Ерусалимдиас

из всех селений Галилеи и Иудеи и из Иерусалима

В русском переводе различие двух уровней маркируется повторением предлога. В агульском союзная частица маркирует лексему *хIурариас-на* 'из селений'.

В агульском языке также имеются дополнительные средства выражения сочинительной связи, в частности союзное слово *хъара* 'еще':

Лука 5: 25 beaucoup de collecteurs d'impôts **et** d'autres personnes

*ацIуна налукар завал аркьаттар**а**, **хъара** сасра инсанар**а***

целая толпа сборщиков податей и прочего народа

Специфическим соответствием французским сочинительным конструкциям с союзом et в агульском являются так называемые парные слова, объединяющие близкие в семантическом аспекте лексемы:

Лука 5: 33 mais tes disciples, eux, mangent et boivent

Веттар Iелди-ухай ая!

а Твои - едят и пьют!

Синонимом сочинительной конструкции может выступать словосочетание с комитативным предлогом (франц. avec = рус. с + твор. пад. = агул. *фай*). В связи с агульским напомним цитированные выше примеры из монографии А. А. Магометова [1970: 173]: hᵊajwandisra hᵊanisra jaqwar kᵊeq || hᵊajwandis-na hᵊanis jaqwar kᵊeq „лошади и корове дай сено!" Тождество семантики находит отражение в использовании во французском и агульском переводе сочинительных средств, соответствующих рус. *с* + твор. пад.[4]:

---

[4] Аналогичную синонимию англ. and и with отмечал А. И. Смирницкий; «...для обозначения известных отношений между предметами может употребляться в одном случае предлог, а в другом — союз: ср., например, John with Ms wife went to the sea *Джон со своей женой поехал на море* и John and *his* wife went to the sea *Джон и его жена поехали на море.* Союз and подчеркивает здесь то, что Джон и его жена поехали на море на «равных правах»; наоборот, употребление предлога with в качестве главного действующего лица выделяет Джона» [Смирницкий 1957: 94]. Эту же мысль находим в другой книге

Лука 4: 25 durant trois ans et demi

хьибу исна сура

три с половиной года

Довольно часто союз **et** соединяет две предикативные единицы, которые в агульском нередко оформляются как два простых предложения:

(а) с одним и тем же субъектом:

Лука 1: 24 Quelque temps après, Élisabeth, sa femme devint enceinte, et elle se tint cachée pendant cinq mois.

Са чӀукь вахттунилас гин хьир Элизаветта хьуная фуниъ. ГӀифу ваз хьасттегьен уч фуниъ аяф джин аркьай...

Вскоре после этого жена его, Елизавета, зачала и первые пять месяцев провела в полном уединении.

Как видим, агульский перевод в подобных случаях предпочитает простое соположение предложений.

(б) с разными субъектами:

Лука 2: 24 ils furent stupéfaits et sa mère lui dit

Дадна баб ппара муьхӀтал хьуная Ге агуф. Баба пуная Гис...

Родители, увидев Его, были поражены. Мать сказала Ему...;

Лука 4: 38 La belle-mère de Simon souffrait d'une forte fièvre et l'on demanda à Jésus de faire quelque chose pour elle

Симонан хьеджарбаб иттай ахьуная, куче цӀа ай джандиъ. Ӏисайис тӀалаб акьуная гис кумак акьас

У тещи Симона был сильный жар, и Его просили помочь ей

Другой вариант, используемый в агульском языке, - объединение двух предикативных единиц в сложное бессоюзное предложение. Этот вариант

А. И. Смирницкого [1959: 377].

используется обычно при наличии различных субъектов в объединяемых предложениях:

Лука 1: 32 Il sera grand et on l'appellera le Fils du Dieu très-haut

Зурба хьасе Ге, Гис Аллагьдин КIиркI агъай ахьасе

Он будет велик, и назовут Его Сыном Всевышнего.

Подобный способ характерен и для соединения частей предложения, ср. следующий пример, где союзной связи целевых оборотов во французском и русском языках соответствует бессоюзная связь в агульском:

6: 18 ils étaient venus pour l'entendre et se faire guérir de leurs maladies

Гебур адинаттар хьуная Iисайил юркIв алиянас, чиппин итталара сагъ акьас

Они пришли послушать Его и получить исцеление от болезней

Бессоюзная связь, естественно, возможна и во французском:

Лука 6: 27 Aimez vos ennemis, faites du bien à ceux qui vous haïssent

Ккан ухь чве душманар, иджвел акье чун дакканттарис

любите врагов ваших, делайте добро тем, кто ненавидит вас

Лука 1: 33 et il régnera pour toujours sur le peuple d'Israël, son règne n'aura point de fin

Ги гьемишанди паччагьвел аркьай ахьасе Якьубан халкьдил, Гин Паччагьвелдин ахир хьасттава

Он будет царствовать над потомками Иакова вечно, и Царству Его не будет конца.

Сочинительная связь может быть выражена в подобных предложениях использованием именной союзной частицы при подлежащих, что, как видно из следующего примера, соответствует повторяющемуся союзу в русском:

Лука 5: 37 il se répand et les outres sont perdues

чехира (< чехир-ра) адавесе, кIечIара (< кIечIар-ра) бат хьасе

и вино разольется, и мехи пропадут.

Значение союзов в данном примере, на наш взгляд, лучше передается рус. *тоже*. Ср. также:

Лука 6: 36-37 Ne portez de jugement contre personne **et** Dieu ne vous jugera pas non plus; ne condamnez pas les autres **et** Dieu ne vous condamnera pas; pardonnez aux autres **et** Dieu vous pardonnera. Donnez aux autres **et** Dieu vous donnera…

*Сайинна диван маркьа, чве диван**на** акьасттава. Сайикра тахсир кимикIа, чвак**ра** тахсир кикIасттава. Гъил гъуршанди акье, чваалас**ра** гъил гъушанасе. ИрцIанди акье, чвас**ра** есе…*

Никого не осуждайте - и вас Бог не осудит. Никого не обвиняйте - и вас Он не обвинит. Прощайте - и Он простит. Давайте - и Он вам даст…

В агульском переводе интерес вызывает различная позиция союзной частицы: в первом предложении при именной части сложного глагола *диван**на*** («осуждение»), в остальных – при косвенном дополнении *чвак**ра**, чваалас**ра***, чвас**ра** 'вас/вам'.

При наличии тождественных субъектов агульским соответствием французской сочинительной конструкции оказывается подчинительная – с зависимой формой (деепричастием) одного из глаголов:

Лука 1: 21 les fidèles attendaient Zacharie et s'étonnaient…

Халкь гъузуна ахьуная Захарияйихъ, муьхIтал хьуна…

Народ же тем временем ждал Захарию и недоумевал...

Лука 1: 22 Il leur faisait des signes et restait muet

Iебаб хьуна, инсанарихъай ишаратарилди гъургъай хьуная ге

Он же объяснялся с ними одними жестами, оставаясь немым

Лука 1: 28 L'ange entra chez elle et lui dit

Малайикди адина пуная Майрамас

И, войдя к ней, Гавриил сказал...

Как видим, использование деепричастного оборота возможно и в русском языке.

Встречаются и примеры обратного соотношения: когда подчинительным конструкциям агульского и французского языков соответствует русская сочинительная конструкция с союзом *и*:

Лука 1: 28 Ils retournèrent donc à Jérusalem en continuant à le chercher

хаб адиная мебур Ерусалимдиди Гихъас руцас (букв. потом пришли они в Иерусалим Его искать)

они вернулись в Иерусалим и стали искать Его там.

Как видим, в агульском языке второй компонент передан как целевое дополнение. Такая же возможность отмечена во французском языке:

Лука 5: 11 laissèrent tout pour suivre Jésus

кIилди атуна, гебур чаб ушуная Iисайихъай (букв. все бросив, пошли за Иисусом)

они всё оставили и пошли за Ним

В трехчленной конструкции союз et присоединяет лишь последний из однородных членов. Агульский язык и здесь, как правило, использует деепричастия (отчасти этот способ использован и в русском переводе):

Лука 5: 13 Jésus étendit la main, le toucha et déclara

Iисайи дагъуна гъил, кирхIуна гик, пуная

Иисус, протянув руку, прикоснулся к нему и сказал;

Лука 5: 19 Ils le montèrent alors sur le toit, firent une ouverture parmi les tuiles et le descendirent sur sa civière

алгъушуная гебур хулагъилди. Алттивуна гьвад, вартталас ахтт аладивуна гебури иттаф

они, поднявшись на крышу дома и разобрав черепицу, спустили его

Ср. также:

Лука 5: lève-toi, prends ta civière et rentre chez toi!

гъайш, гъушуна ве ахунна ях хулади (ср. использование союзной частицы: *ахун-на* 'и постель')

встань, возьми свою циновку и ступай домой.

Как члены сочинительной конструкции могут оформляться глаголы, выражающие фазы одного и того же действия. В других переводах это действие может быть передано нерасчлененно

Лука 4: 38 Jésus quitta la synagogue et se rendit à la maison de Simon (букв. оставил синагогу и отправился…)

ДуьгІебур хура хулаас ушуная Іиса Симонан хулади

Из синагоги Он пошел в дом Симона

Сочинительные отношения включают не только рассмотренные выше соединительные, но также и некоторые другие, в частности противительные, на что указывает соотношение союзов – франц. et и агул. амма 'но':

Лука 6: 49 quiconque écoute mes paroles **et** ne les met pas en pratique

Зе гафарил юркІв алихьуна, ***амма*** *Зун петтар даркьаф*

кто слушает Мои слова, **но** не следует им.

В этом ряду следует рассматривать и разделительные отношения, средством выражения которых во французском является союз ou 'или', в агульском – союз *я*:

Лука 1: 15 une paire de tourterelles ou deux jeunes pigeons

Іу гІуд я луфуран Іу чарккв

пару горлиц или двух молодых голубей;

Лука 5: 23 Est-il plus facile de dire: 'Tes péchés te sont pardonnés', **ou** de dire: 'Lève-toi et marche'?

«Ве гунагьарилас гъил гъушуная», рехІет ду пас, «Гъайшина ях», пас

дала?

Не легче ли сказать "Прощены тебе грехи", **чем** сказать "Встань и иди"?

В русском и агульском переводах в последнем примере дизъюнктивность передана имплицитно через отношение сравнения. Еще одним средством передачи данного отношения в агульском языке является союзное слова *хъара* 'еще':

Лука 6: 9 Que permet notre loi? de faire du bien le jour du sabbat **ou** de faire du mal? de sauver la vie d'un être humain **ou** de la détruire?

фикьас ахттигьар ая киш ягъа: иджвел акьас эв ***хъара*** *Iайвел акьас?* (добро делать или зло делать?) *Джан ухIас эв* ***хъара*** *пуч акьас?*

что позволено делать в субботу: добро **или** зло? Спасти жизнь **или** погубить?

В отрицательных конструкциях во французском языке имеем повторяющийся союз ni, в агульском – тот же союз *я*, но вводящий каждый член сочинительной конструкции:

Лука 1: 15 ni vin, ni aucune autre boisson

я чехир, я джуьре ухаттар

ни вина, ни крепких напитков.

1.2.1.2. Подчинительные отношения. Согласование, управление и примыкание.

В лингвистической традиции принято выделять три типа формального выражения подчинительной синтаксической связи – согласование, управление и примыкание. Согласование при этом определяется как подчинительная связь компонентов словосочетания, "при которой в зависимом слове повторяются *граммемы* или часть граммем главенствующего слова" [ЛЭС: 479]. Управление характеризуется в лингвистической литературе как подчинительная связь, при

которой главный компонент словосочетания "требует постановки зависимого компонента в определенной грамматической форме, причем изменение формы главенствующего слова не вызывает изменения формы управляемого слова" [там же: 537]. На этой основе строятся и современные определения способов выражения синтаксической связи. Так, по Я. Г. Тестельцу [2001: 360], «разновидностями морфологической зависимости являются согласование, управление и конгруэнтность. Согласование и управление, которые традиционно рассматриваются как отношения между словами, более адекватно могут быть представлены как отношения между словами и группами (фразовыми категориями). Подавляющее большинство явлений согласования в языках мира относятся к типу локального согласования («на небольшом расстоянии»), хотя отмечаются и некоторые исключения».

Типологически различают полное и неполное согласование в зависимости от того, насколько набор словоизменительных форм зависимого слова копирует аналогичный набор главного.

Агульский язык, как известно, утратил классное согласование и не приобрел личного, так что в целом здесь можно констатировать отсутствие согласования в целом, на что указывал в свое время уже А. Дирр [1907: 16-17]:

аhа большой: *аhа хал, халар* большой дом, большие дома
аhа хiр, хамбар большая женщина, большие женщины
бiцIi хал, халар маленький дом, маленькие дома и т. д.

Таким образом, в агульском языке прилагательное не согласуется с существительным ни в числе, ни в падеже.

Во французском языке в подобных случаях имеется согласование, причем следует различать его фонетическую и графическую формы. Рассматривая это свойство французского языка в сопоставлении с русским, В. Г. Гак писал следующее: «В обоих языках оно (согласование. – *Р.С.*) представлено в группах:

существительное — прилагательное (или причастие) и подлежащее — сказуемое (в личной форме глагола). Если данная категория имеет более двух субкатегорий (три рода в русском языке, три лица у глагола), то может иметь место неполное согласование, когда одна из форм исключается, а другие одинаково возможны (например, прилагательное *этого* исключает женский род, но не различает мужской и средний: *этого рассказа, этого произведения*). При полном согласовании данная форма предполагает только одну форму другого слова (например, эту предполагает только женский род: эту книгу).

П р и л а г а т е л ь н о е и с у щ е с т в и т е л ь н о е в обоих языках согласуются как в атрибутивной группе (большой дом, une grande maison), так и в предикативной (Дом большой. La maison est grande). Во французском языке согласование осуществляется по роду и числу, в русском также и по падежу» [Гак 1976: 177].

Различение атрибутивной и предикативной групп позволяет по-иному взглянуть на вопрос о наличии согласования в агульском языке. Дело в том, что уже А. Дирр отмечал возможность словоизменения агульских субстантивированных прилагательных: «Но когда прилагательное стоит как сказуемое, или вообще имеет самостоятельное значение (в таком случае оно может иметь смысл существительного), оно принимает суфф. *ф* в единственном и суффикс *ттар* после гласных и *тар* после согласных во множественном числе и склоняется» [Дирр 1907: 17].

Если учесть, что предикативная форма агульского прилагательного является субстантивированной, то в агульском языке имеется согласование в числе предикативной формы прилагательного. Ср. примеры Дирра [там же: 18]:

зе хал аhаф е мой дом — большой; *халар біц1іттар е* дома — маленькие.

При этом подобное согласование является факультативным, поскольку в предикативной позиции возможна и несогласуемая форма, единая для обоих

чисел (*зе хал аhа е, халар біці е*). Такая несогласуемая форма выражает сравнительные отношения.

С.Н.Гасанова [2001: 41] находит признаки согласования в следующих примерах: *хIучан хьил* 'волчий след' (= след волка) - *хIучарин хьилар* 'волчьи следы' (= следы волков), *бабан джуваб* 'ответ матери' - *бабарин джувабар* 'ответы матерей'. На отсутствие в подобных примерах согласования указывает хотя бы возможность формы единственного числа зависимого слова при множественном главного: *хIучан хьилар* 'следы волка', *бабан джувабар* 'ответы матери'. Выявляемая, на первый взгляд, зависимость числовой формы в сочетаниях типа «подошва ноги» - «подошвы ног», но не «подошвы ноги», имеет не синтаксический, а лексико- семантический характер: нога имеет только одну подошву.

Субстантивация прилагательных в агульском языке также ставит вопрос о лексико-грамматической квалификации соответствующего явления. С одной стороны, оно может рассматриваться как словообразовательный процесс (конверсия). С другой стороны, регулярность субстантивации позволяет говорить о грамматической категории атрибутивности-субстантивности прилагательного. В последнем случае можно констатировать наличие управления в сочетаниях прилагательного и существительного: существительное управляет атрибутивной формой прилагательного.

Примыкание как вид формального выражения синтаксической связи определяется по существу исходя из отсутствия между членами словосочетания согласования или управления, т.е. в тех случаях, когда "форма подчиненного компонента *словосочетания* не зависит от господствующего компонента и не подвергается каким-либо изменениям" [ЛЭС 1990: 398-399]. Я. Г. Тестелец [2001: 360] уточняет это понятие и дает следующее определение: «Выражение синтаксических отношений между словами и группами с помощью порядка

слов предлагается называть примыканием. Это более широкое понимание примыкания, чем то, которое принято традиционно». Последняя ремарка, на наш взгляд, не совсем верна, поскольку введение в определение критерия порядка слов делает его более узким. Скажем, отношение наречия (обстоятельства) и глагола (сказуемого) при таком подходе не могут описываться с помощью понятия примыкания, поскольку взаимный порядок этих элементов является относительно свободным, т.е. порядок слов здесь не является компонентом структуры словосочетания. В большей степени в агульском языке в этом случае заслуживает квалификации в качестве примыкания связь существительного с зависимым прилагательным, которое обязательно находится в препозиции. Во французском в зависимости от целого ряда факторов возможна как постпозиция, так и препозиция зависимого прилагательного, ср.:

- препозиция:

Лука 7: 16 *ЧагIди* ***зурба пайгъамбар*** *адиная!*

Un grand prophète est apparu parmi nous!

Великий пророк явился среди нас;

- постпозиция:

Лука 7: 25 ***Багьа кунар*** *але инсан*

un homme vêtu **d'habits magnifiques**?

Человека **в прекрасной одежде**?

В специальной литературе предлагается выделять различные виды примыкания, ср.: "Собственно примыкание - это связь, при которой в роли зависимого слова выступают слова неизменяемые: наречие, неизменяемое прилагательное, а также инфинитив, компаратив или деепричастие", а также "Падежное примыкание – это присоединение к знаменательному слову (любой части речи) падежной (без предлога или с предлогом) формы

имени с определительным значением: *приехать пятого мая, прийти к вечеру, ложка из дерева...*" [Русская грамматика 1980: 21]. Аналогичные средства синтаксической связи обнаруживаются и во французских и агульских словосочетаниях, поскольку, в отличие от других дагестанских языков, наречия и деепричастия здесь не имеют классных форм словоизменения. Во французском языке речь может идти о предложном примыкании. Ср. соответственно:

- собственно примыкание:

Лука 2: 48 *Е зе кIиркI, Вун* ***фас миштти*** *акьуфе час?*

Mon enfant, **pourquoi** nous as-tu fait **cela**?

Сын мой, **почему** Ты **так** с нами поступил?

- падежное примыкание:

Лука 2: 45 ***Гьер иса*** *Iисайин дадар-бабар вей хьуная* ***Ерусалимдиди Пасхайин хIаягъас***

Chaque année, les parents de Jésus allaient **à Jérusalem pour la fête de la Pâque**

Каждый год родители Иисуса отправлялись **в Иерусалим на праздник Пасхи**

Следует все же заметить, что в сравниваемых языках примыкание проявляет себя по-разному. Так, несогласованным определениям, представляющим собой предложные конструкции, в агульском в большей степени соответствуют либо генитивные (адъективные) определения, либо использующие эксплицитно выраженные причастные формы подразумеваемого в таких случаях глагола. Французский язык, как показывают наши материалы, также нередко прибегает к подобным способам выражения определительных отношений, причем коррелятом генитивного определения здесь выступает предложная конструкция с предлогом de, ср. использование причастной конструкции:

Лука 7: 25 *Фи агвас ушунаттари чун?* ***Багьа кунар але инсан*** *агвас пуна эв?* (букв. «дорогие одежды имеющий человек»)

Alors qu'êtes-vous allés voir? **un homme vêtu d'habits magnifiques**?

Тогда кого же вы там хотели увидеть? Человека в прекрасной одежде?

Генитивное определение:

Лука 6: 5 *Инсандин КIиркI* — ***киш ягъанна*** *ХIаф э*

Le Fils de l'homme est maître **du sabbat**

Сын человеческий - господин **над субботой.**

Представленные выше материалы позволяют сделать вывод о том, что согласование, управление и примыкание, являясь универсальными видами оформления синтаксической связи, используются в различных языках мира в разной степени, будучи в первую очередь связанными с наличием тех или иных морфологических категорий (например, категорий числа, падежа, рода и др.). В то же время расхождения в оформлении синтаксических связей внутри словосочетания могут обнаруживаться и при совпадении морфологических категорий, определяющих синтаксический облик словосочетания. Например, как во французском, так и в агульском языке наличествует категория числа, к чему следует добавить функциональное соответствие агульского родительного падежа и французского предлога de. Несмотря на это структура квантитативных сочетаний достаточно различна, ср., в частности, формы единственного и множественного числа соответственно в агульском и французском:

Лука 7: 40 ***Iу инсандик*** *кехьуная са эссин бурдж*

Deux hommes devaient de l'argent à un prêteur

Два человека взяли деньги в долг у одного ростовщика

1.3. О выборе синтаксической единицы в качестве объекта

сопоставления

Эффективность сопоставления синтаксических единиц разных языков во многом зависит от того, какие свойства синтаксической единицы привлекаются в качестве объекта сравнения. В связи с этим в литературе рассматривается понятие типа словосочетания, определяемого на основе таких признаков, как (а) характер синтаксических отношений, (б) способ выражения синтаксических отношений, (в) положение зависимого слова по отношению к господствующему[5].

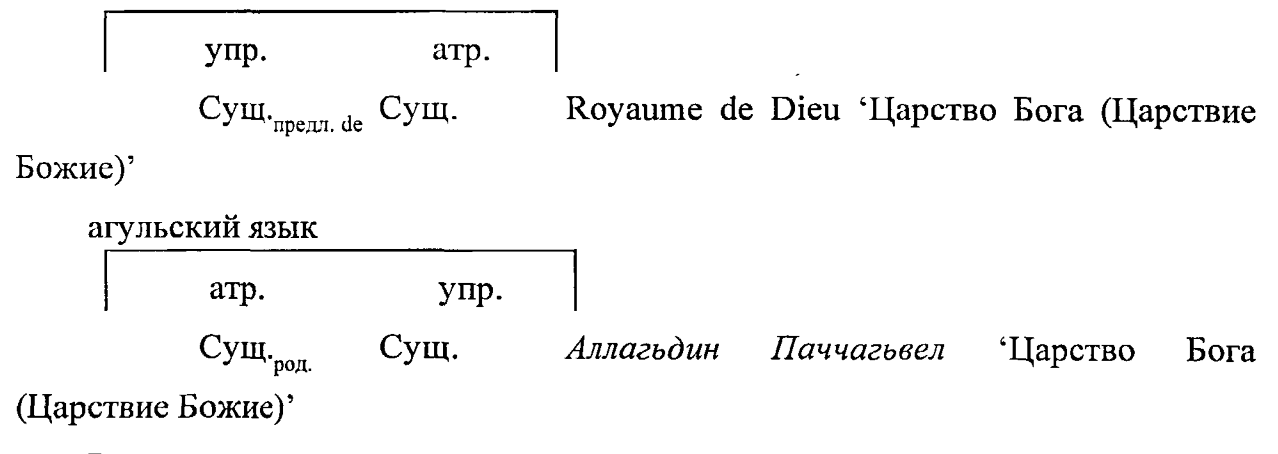
В сопоставительной грамматике русского и французского языков указывается еще на один представляющийся для нас важным момент, который должен учитываться при определении типа словосочетания: это, во-первых, функциональное соответствие русских падежей французским предлогам (см. об этом [Гак 1977: 179]) и, во-вторых, различная роль в сопоставляемых словосочетаниях порядка слов. Следует подчеркнуть, что при исследовании материала дагестанских языков, известных своей многопадежностью, соотношение «падеж – предлог» приобретает особую значимость.

Используя способ наглядного представления типов словосочетания, предложенный в работе М. Е. Алексеева [2001], схематически тип словосочетания можно представить, например, в виде следующих формул:

французский язык

---

[5] Ср. представление типа словосочетания на основе названных выше признаков в русско-английской сопоставительной грамматике В. Д. Аракина [1989: 141] как о «некоторой двучленной (реже трехчленной) модели, имеющей номинативную функцию, организованной на основе подчинительной связи с устойчивым сочетанием синтаксических отношений, выраженных определенным способом, и с постоянным размещением компонентов».

Royaume de Dieu 'Царство Бога (Царствие Божие)'

агульский язык

Аллагьдин Паччагьвел 'Царство Бога (Царствие Божие)'

В ряде исследований, в т.ч. посвященных сопоставительному анализу английского и отдельных дагестанских языков (например, [Исламова 1996]), высказывается справедливое, на наш взгляд, мнение о недостаточности понятия типа словосочетания в сопоставительном исследовании словосочетаний. Соответственно, в этих работах сопоставление проводится, в частности, в сфере именных словосочетаний, с опорой на понятие именной группы – «сложного сочетания, включающего определяемое имя со всеми потенциальными определениями»[6]. Такой подход учитывает, во-первых, закономерности взаимного расположения различных видов определения. Так, в агульском языке генитивное определение предшествует определению-числительному и определению-прилагательному. Во французском и русском эти два типа определений расположены по разные стороны от определяемого:

Лука 2: 24 *луфуран Іу чарккв*

deux jeunes pigeons («два молодых голубя»)

---

[6] Несколько иное понятие именной группы (= синтаксическая группа имени) мы находим у В.Г.Гака [1986: 74 и сл.]. Следуя за Ж.Дюбуа и ФДюбуа-Шарлье [Dubois, Dubois-Charler 1970: 39], он предлагает следующую формулу именной группы: *Prép+Dét+N+E* (определение), включая в нее, в частности, предлог.

двух птенцов голубиных;

Лука 7: 3 *жугьутIарин хIа къуджабур*

anciens des Juifs

Иудейских старейшин

Следует также отметить левую позицию определительного (кванторного) местоимения по отношению к генитивному определению (а) и указательному местоимению (б) в агульском языке:

(а) Лука 4: 5 *кIилди дуьнйайин паччагьвелар*

tous les royaumes de la terre

все царства вселенной

(б) Лука 4: 6 *КIилди ге паччагьвелар*

de ces royaume (перефразировано)

над всеми сими царствами

Взаимное расположение определений во французском языке В.Г.Гак [1986: 137] описывает следующим образом: «Французский язык избегает нанизывания однородных прилагательных и при наличии нескольких определений, последние размещаются по разные стороны *N:* une abondante production agricole, либо, чаще чем в русском языке, связываются союзом: un jeune homme studieux **et** aimant. Порядок расположения определяется смыслом: ближайшее к существительному прилагательное составляет вместе с ним сложное понятие, определяемое другим *A:* le mouvement ouvrier français = (le mouvement ouvrier) français». К последнему наблюдению следует сделать небольшое уточнение: более близким к имени является прилагательное с функциональной характеристикой, более отдаленным – с географической.

Взаимный порядок определений может зависеть и от особенностей синтаксического членения именной группы, о чем писал Л.Теньер [1988: 168]: «Чтобы проиллюстрировать эти тонкости, конечно, заслуживающие более

глубокого анализа, можно использовать линии связи, более длинные для придаточных более удаленных, и вести эти линии не от самого узла, а от точки на линии, которая соединяет существительное с одним из ближайших зависимых членов. Именно таким приемом в стемме, представляющей часть предложения l'auto rouge que vous avez vue hier 'красный автомобиль, который вы вчера видели', можно показать, что придаточная часть que vous avez vue hier не столько определяет l'auto, сколько группу l'auto rouge. Действительно, то, что вы вчера видели, это не просто *автомобиль,* но *красный автомобиль*».

Закономерности, касающиеся совместной встречаемости различных видов определений также более удобно описывать исходя из понятия именной группы. В свое время было, в частности, сформулировано правило, запрещающее в русском языке одновременное употребление при одном определяемом субъектного и объектного генитива (ср.: «Первое объектное отношение, выраженное род. падежом существительного и существительным, образованным от переходного глагола, несовместимо с агентивным отношением, главный элемент которого совпадает с главным элементом указанного объектного отношения, а зависимый элемент является неместоименным существительным в род. падеже» [Иорданская 1967: 22]): так, при объединении сочетаний *исполнение произведения* и *исполнение автора* обязательной является трансформация субъектного генитива в творительный падеж: *исполнение произведения автором*[7].

---

[7] Подобные ограничения действуют и в английском языке [Кинэн 1982: 259]. Ср.:

a) John swept the floor

Джон подмел пол

b) John's sweeping (of) the floor

букв. Джоново подметание пола

c) The sweeping (of) the floor by John

Аналогом подобных сочетаний в агульском языке является масдарное словосочетание, которое, как и в других дагетанских языках, сохраняет управление соответствующего глагола: С.Р.Мерданова [2004: 137] приводит такой пример:

zun me kitab ruš.a **ruX.u-b** badala Ruš.u-naje-f-e.

Я эту книгу купила, чтобы дочь (ее) читала [= ради **чтения** дочерью].

Комментируя этот пример, С.Р.Мерданова пишет: «Масдар сохраняет управление глагола: так, имя *ru]* 'дочь' ... оформлено эргативом при переходном глаголе *ruXas* 'читать'»... Своеобразно трактует соответствующее явление В.Г.Гак [1998: 293]: «В области грамматики мы встречаемся со сходным явлением в эргативной конструкции предложения, где непереходный глагол морфологически ориентирован на субъект действия (состояния), а переходный глагол — на объект действия. Такую же ориентацию проявляют и отглагольные имена действий: *Ребенок плачет — Плач ребенка; Мать воспитывает ребенка — Воспитание ребенка* (При трансформации непереходной конструкции образуется оборот с genetivus subjectivus, при трансформации переходной конструкции — оборот с genetivus objectivus)». Как видим, в агульском (и в других дагестанских) ситуация несколько отличается от обрисованной В.Г.Гаком, ссылавшимся, впрочем, на данные А.С.Чикобава [1967: 29].

Кроме того, включение в именную группу тех или иных компонентов может так или иначе отразиться на всем ее облике. Скажем, препозиция одиночного прилагательного сменяется в русском языке постпозицией (хотя и не всегда) при наличии у прилагательного (или причастия) зависимого слова, ср. *комната, полная женщин и детей.*

Подметание пола Джоном

Обращение к понятию именной группы оказывается полезным и при классификации так называемых сложных словосочетаний, не сводимых к бинарным конструкциям, ср. un voyage de 3 jours ‘трехдневная поездка’; un complet de 100 roubles ‘сторублевый костюм’, где бинарные сочетания un voyage de jours ‘поездка дней’ un complet de roubles ‘костюм рублей’ лишены смысла. Ср. также

Лука 24: 4 deux hommes aux vêtements brillants

Iу инсан, джагвар нур ицIан кунара алди

два мужа в одеждах блистающих.

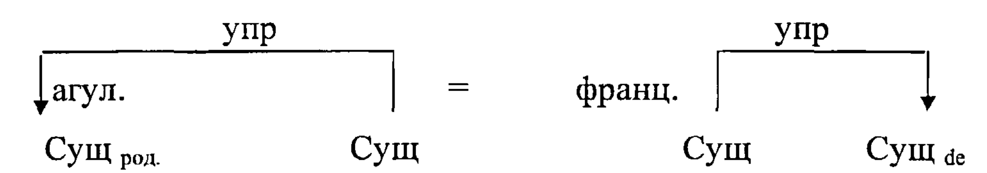
1.4. Классификация словосочетаний

1.4.1. Субстантивные словосочетания

1.4.1.1. Словосочетания с зависимым существительным

1.4.1.1.1. Генитивные словосочетания

Тип **Сущ + Сущ**. Основное расхождение в оформлении словосочетаний данного типа заключается в аналитизме французского и синтетизме агульского языка: в агульском средством выражения зависимости является родительный падеж, во французском – предлог de (с морфологическими вариантами). Другим различием является порядок следования компонентов: в агульском, как и в других дагестанских языках, зависимый компонент находится в препозиции, во французском, в соответствии с общей тенденцией, в постпозиции. Схематически это соотношение можно представить следующим образом:

Это соответствие охватывает выражение следующих отношений:

а) отношение принадлежности, в т.ч. родственные отношения,

ср. Лука 4: 38 a la maison de Simon

Симонан хулади

в дом Симона;

Лука 7: 25 dans les palais des rois

паччагьарин къалабуриъ

при дворах царских (в русском имеем относительное прилагательное, тождественное генитиву);

Лука 7: 28 dans le Royaume de Dieu

Аллагьдин Паччагьвелдиъ

в Царствии Божием;

Лука 3: 19 a femme de son frère

учин ччуччун хьир

жену брата своего;

Лука 7: 12 Le fils unique d'une veuve

ашкIин бабахъ хъая са кIиркIан майит (агульский перевод следует за синодальным текстом: «находящийся у матери»)

единственного сына у матери;

франц. la famille de mon ami 'семья моего друга', les enfants de nos voisins 'дети наших соседей', ср. также агульские примеры С.Р.Мердановой [2004: 29]:: ***qunJi-n*** *Xal* 'дом **соседа'**, ***bawa-n*** *k'eb* 'платок **матери'** (принадлежность)

б) отношение целого и его части, в т. ч. «неотъемлемая принадлежность», ср.

Лука 4: 9 au sommet du temple

Аллагьдин хулан ке гьава кIукIал

на крыле храма;

Лука 7: 12 de la porte de cette localité

шагьурдин къапубуригьди

к городским воротам;

ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]::***berHemi-n*** *Xilar* 'рукава **платья'**, ***ra<u-n*** *gWarDar* 'зубцы **расчески'** (часть ~ целое)

в) отношение признака и его носителя:

Лука 8: 10 des secrets du Royaume

Паччагьвелдин сирар

тайны Царствия

Лука 9: 43 par la grande puissance de Dieu

Аллагьдин кьудратил

величию Божию;

франц. une femme d'une beauté frappante 'женщина поразительной красоты', une edition de luxe 'роскошное издание', un home d'honneur 'человек чести', ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: ***ruJa-n*** *gyrchek<Wel* 'красота **девушки'**, *<afu* ***hawaji-n*** *Xal* 'пятиэ**тажный** дом' (признак ~ носитель признака). Как видно из примеров, существительные, выражающие признак и его носителя, могут выступать как в главной, так и в зависимой роли, что может служить основанием для более дробной классификации.

г) отношение группы и ее состава:

Лука 8: 32 un grand troupeau de porcs

ваккарин хIа луджс

большое стадо свиней;

д) отношение меры, количества[8]:

Лука 22: 10 une cruche d'eau

хьеттин гвар

кувшин воды;

франц. un panier de pommes ‘корзина яблок’, un paquet de cigarettes ‘пачка сигарет’, ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: ***nekdi-n*** *t’ink’* ‘капля **молока’**, ***jaKu-n*** *k’ut* ‘кусок **мяса’** (вещество ~ количество).

е) отношение действия (или его результата) и его производителя:

Лука 8: 11 a parole de Dieu

Аллагьдин гаф

---

[8] С.Н.Гасанова [2004: 36 и сл.] дает следующую классификацию словосочетаний, выражающих количественные отношения:

1. словосочетания с общим значением количества:

а) словосочетания, называющие меру жидких или сыпучих веществ: бадра // гвар хьеттин 'ведро//кувшин воды’, *чувал кьур* ‘мешок зерна’. Эти сочетания реализуют две модели: соответственно с генитивом и номинативом вещественного имени. Эти словосочетания, по словам С.Н.Гасановой, трансформируются в комитативные (на наш згляд, точнее – локативные): истикан чай = истиккандиъ ае чай ‘в стакане находящийся чай’.

б) словосочетания со значением меры длины: кьве юкI чил ‘два аршина земли’;

в) словосочетания со стержневым словом, называющим часть предмета (сюда автор включает и сочетания с количественными отношениями типа гунин кьурц ‘кусок хлеба’);

2. словосочетания, указывающие на объем или количество через форму предметов: *мук ттунин* ‘моток шерсти’;

2. словосочетания со значением совокупности: маларин луддж ‘стадо крупного рогатого скота’.

слово Божие;

Лука 1: 41 la salutation de Marie

Майраман салам

приветствие Марии;

франц. un poème d'Aragon 'поэма Арагона', ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: b***awa-n*** *zehmet* 'труд **матери'**, ***ruJa-n*** *Duwab* 'ответ **дочери'** (участник (агенс) ~ действие)

ж) отношение "предмет – материал",

les bandes de lin («полотняные ленты»)

Іаре кафанар (перефразировано: «пустые саваны»)

пелены лежащие;

франц. un pâté de foie gras 'паштет из гусиной печёнки', une statue de marble 'мраморная статуя', ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]:: ***chiTira-n*** *berHem* '**ситцевое** платье', ***RWandi-n*** *Xal* '**каменный** дом' (в этом случае функция генитива близка к функции относительных прилагательных в русском языке) (предмет ~ материал);

з) временные отношения:

Лука 13: 14 le jour du sabbat

киш ягъа (аппозитивное отношение)

день субботний;

ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: ***ap'q'ana-n*** *raR* '**полуденное** солнце', ***BuJa-n*** *waXt* '**ночное** время', ***Burdi-n*** *c'ig* '**зимние** морозы', ***bagajmi-n*** *Qulgun* '**утренняя** молитва, намаз'

и) пространственные отношения:

Лука 8: 37 la population de ce territoire

Гераса дерейиъ ешемиш вея инсанарис (пространственное отношение выражено эксплицитно: «в Герасинском ущелье живущие люди»)

народ Гадаринской окрестности

Лука 9: 52 dans un village de Samarie

Самари дерейиъ ая са хIуриди (пространственное отношение выражено эксплицитно)

в селение Самарянское

le vent du sud

кьибла багуйихъас кулак (пространственное отношение выражено эксплицитно)

южный ветер

ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: ***nac'u-n*** *qireR* 'берег **реки'**, ***Jahardi-n*** *dukanar* '**городские** магазины' и т.п.;

к) отношения предназначения:

Лука 19: 46 une maison de prière

дуьгIебур хура хал (трансформировано: «мотитвы читаемый дом»)

дом молитвы;

Лука 19: 46 une caverne de voleurs

къачагъарин муг

вертепом разбойников

франц. une robe de bal 'бальное платье', ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: ***Hura-n*** *[uwal* 'мешок для/из-под **муки'**, ***{eme-n*** *qab* 'масленка', букв. "**масла** посуда", ***idemari-n*** *]awlar* '**мужские** брюки'

л) характеристики, сферы деятельности:

Лука 8: 41 chef de la synagogue

дуьгIебур хура хулан хIаф

начальником синагоги

Лука 11: 15 le chef des esprits mauvais

шейтIанарин хIаттин

князя бесовского

le propriétaire de la moisson

(в агульском трансформировано)

Господина жатвы

ср. также примеры С.Р.Мердановой [там же]: ***Ha[u-n*** *dar* 'яблоня', букв. "**яблока** дерево", ***Hukumatdi-n*** *kar* 'служба на гос. предприятии', букв. "**государства** работа" (общеопределительное отношение) и т.п. Примеры на употребление генитива, не выходящее за пределы очерченных выше отношений, см. также в [Шаумян 1941: 83].

Конечно, возможны и другие способы передачи представленных выше отношений. Так, отношение меры, количества (часть – целое?), выраженное французским предлогом de, находит в агульском соответствие в виде одного из аблативов:

Лука 15: 9 la part de notre fortune

ве девлетикес (зас рукьа) пай

часть имения

Аблативом также передается отношение происхождения:

Лука 8: 27 un homme de la ville

шагьурдиас ... са инсан

один человек из города

Представленный выше набор функций, выполняемых генитивом, в целом хорошо согласуется с перечнем функций генитива, отмеченных в других дагестанских языках, см. в [Климов, Алексеев 1980: 230-235].

Особенностью французского языка является употребление приименного инфинитива с предлогом de. В агульском и русском ему соответствует беспредложный инфинитив:

Лука 9: 27 l'autorité de chasser tous les esprits mauvais

хIавелна кьуват кIилди шейтIанар адикасра

власть над всеми бесами и врачевать.

Особо следует выделить словосочетания с отглагольным именем в качестве главного слова во французском языке и зависимым словом в объектной или субъектной функции. В дагестанских языках, как правило, им соответствуют словосочетания с главным словом – отглагольным именем (масдаром). При этом зависимое имя сохраняет падежную форму глагольного актанта (см. об этом выше).

а) объектное отношение:

Лука 24: 47 le pardon des péchés

гунагьарилас гъил гъушанас (инфинитивное словосочетание)

прощению грехов и т.п.

б) субъектное отношение:

Au coucher du soleil

Рагъ учIухаб (перефразировано: «солнце зашло-когда»)

При захождении же солнца

Рассмотренные в данном разделе отношения (в основном отношение принадлежности) имеют место и в сочетаниях с зависимыми местоимениями в функции субстантива. При этом во французском языке зависимое притяжательное местоимение, согласуемое с главным существительным, занимает препозицию. В агульском генитив личного местоимения (притяжательное местоимение?[9]) также находится в препозиции:

упр согл

---

[9] Ср.: «Формы родительного падежа личных местоимений являются в то же время притяжательными местоимениями, стоящими перед определяемым именем» [Магометов 1970: 106].

агул. = франц.

Мест. личн. род. Сущ — Мест. притяж. Сущ

Приведем примеры:

Жен. род	Муж. род	Мн. число
Sa femme	son règne	ses saints prophètes
Захарияйин хьир	*Гин Паччагьвелдин*	*Учин пайгъамбарарилас*
жена его	Царству Его	святых пророков Своих
ta parente	ton salut	tes péchés
ве багунф	*УхIаф*[10]	*Ве гунагьарилас*
родственница Твоя	спасение Твое	грехи твои
ma joie	mon Fils	mes propres yeux
Зе мурадар	*Зе ... КIиркI*	*Зе уларис*
Мое благоволение	Сын Мой	очи мои

Согласование в роде отсутствует у притяжательных местоимений множественного числа:

Жен. род	Муж. род	Мн. число
dans leur ville	leur petit enfant	leurs trônes
чиппин ... хIуриди	*бицIи Iиса*[11]	*тахттарилас*
в город свой	Младенца	с (их) престолов
notre vie	Notre Dieu	de nos ennemis
хье Iуьмурди	*Аллагьди*[12]	*хье душманариккесра*
жизни нашей	Бога нашего	врагов наших
votre confiance	votre Père	de vos pieds

---

[10] Перефразировано

[11] Перефразировано

[12] Местоимение опущено

чве хъугъувел	*Чве ... Дадан*	*чве лекарил*
вера ваша	Отец ваш	от ног ваших

1. 4.1.1 2. Словосочетания с зависимыми предлогами

Во французском языке, помимо предлога de для маркировки зависимых субстантивов широко используются и другие предлоги, ср.:

Лука 9:5 un avertissement pour eux

Гъегилди ягIархъурай тебурис (перефразировано)

во свидетельство на них

Несогласованным определениям русского языка могут соответствовать сочетания с глагольными оборотами и во французском, ср. определительное придаточное, соответствующее русскому несогласованному определению с предлогом *с:*

Лука 6: 41 un flacon d'albâtre plein de parfum

гаджини ая батIар ниъ хъая ччамра фай.

сосуд с миром;

Лука 11: 16 un signe miraculeux qu'il venait de Dieu (букв. «который пришел от Бога»)

заварин Iеламат (генитивное определение)

знамения с неба

Лука 6: 41 le brin de paille qui est dans l'oeil de ton frère находится в глазу»)

сасрайин улиъ ая са бицIи чIирхI (букв. «в глазу находящийся»)

на сучок в глазе брата твоего

В агульском языке в подобных случаях имеем зависимые причастные обороты, нередко имеющие собственный субъект, не тождественный определяемому слову. Ср.: Лука 6: 6 un homme dont la main droite était paralysée

хIуърджал гъил рукъуна са инсан (букв. «правая рука высохший один человек»)

человек, у которого была сухая рука (см. подробнее ниже).

Как отмечается в литературе, под влиянием русского языка словосочетания с несогласованными определениями (использующие падежно-послеложные формы) все более распространяются в дагестанских языках. Для современного агульского языка подобные конструкции не характерны. Как видно из вышеприведенных примеров, соответствующее содержание передается здесь либо включением причастия, либо генитивным словосочетанием.

1.4.1.1.3. Словосочетания с приложением

В агульском языке выявляются два типа построения словосочетаний с зависимым именем существительным–приложением. Первый тип можно считать возникшим в дагестанских языках под влиянием русского[13]. Во французском языке широкому распространению примыкания существительного-приложения способствует отсутствие падежного словоизменения. Большая часть приложений связана с именами лиц и обозначениями должности, занятия, родственного отношения и т.п.:

а) имя + термин родства:

Лука 1: 13 Élisabeth, ta femme

Хьира ве Элизаветтайи

жена твоя Елисавета

---

[13] Именно такую интерпретацию дает З. Г. Абдуллаев даргинским словосочетаниям, которые квалифицирует как “определение, выраженное именительным падежом” [1971: 171-174]. типа, во-первых, ***Ну, Алиев XIяжи, гьалавра хIушачи вакIибсири*** ‘я, Алиев Гаджи, и раньше приходил к вам’ и, во-вторых, *колхозникуни-ударникуни* ‘колхозники-ударники’, *ялчни-стахановецуни* ‘рабочие-стахановцы’, *колхозникуни-комсомолецуни* ‘колхозники-комсомольцы’, *телефон-автомат* [Абдуллаев 1961: 108-109].

б) имя + характеристика:

Лука 1: 47 de Dieu, mon Sauveur

Аллагьдил, зун УхIуттил

о Боге, Спасителе Моем

в) имя + должность:

l'empereur Auguste

Август агьа паччагьди (букв. Август называемый…)

от кесаря Августа

г) имя + родовое наименование:

de Nazareth, un bourg de Galilée

Галилея дерейин Назарет агьа хIуриас

из Галилеи, из города Назарета

Как видно из агульских фраз, где оба компонента маркированы соответственно (а) эргативом (б) суперлокативом, между компонентами аппозитивного отношения имеет место согласование в падеже.

Примеры демонстрируют, что примыкающее имя может находиться как в препозиции, так и в постпозиции. В последнем случае оно обособляется во всех сопоставляемых языках. Возможно также стечение нескольких приложений, что, впрочем, избегается использованием причастных оборотов и придаточных определительных (во французском):

Лука 2: 36 une prophétesse, appelée Anne, qui était la fille de Penouel, de la tribu d' Asser

пайгъамбар Аннара, Фануилан руш, Асиран тухумдиас

Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова

В русском языке, как отмечается в литературе, "существительное-приложение согласуется с определяемым словом в падеже (старушке Земле, у инженера-водника); определяющее существительное, таким образом, ведет себя

здесь как прилагательное: его падеж в приложении, как и уприлагательного, явлется уподобляющимся ("согласовательным") падежом" [Русская грамматика 1980: 58]. Агульский язык, как было показано, строит аппозитивные модели по тому же образцу.

Как и в других дагестанских языках, в агульском имеется еще одна модель приложения, которое является несогласованным и занимает препозицию, иными словами, приложение сохраняет именительный падеж:

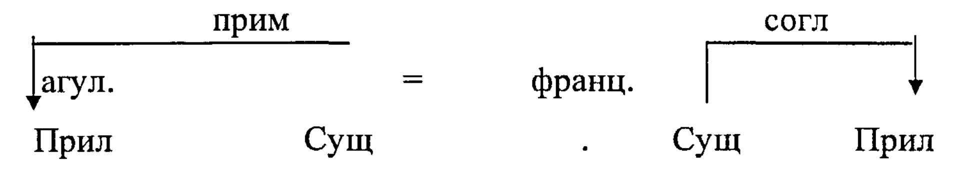
Лка 4: 27 du prophète Élisée

пайгъамбар Элисеян

при пророке Елисее

О примерах такого рода во французском писал Л.Теньер: Присутствие предлога de не обязательно для того, чтобы существительное выступало в функции определения и было, следовательно, употреблено в качестве настоящего прилагательного; нам о том свидетельствуют такие сочетания, как La Tour Eiffel 'Эйфелева башня', le boulevard Gambetta 'бульвар Гамбетты', L' affaire Dreyfus 'дело Дрейфуса'. В этих выражениях Eiffel, Gambetta и Dreyfus, которые со всей очевидностью являются существительными, поскольку указывают на лица, употреблены в функции прилагательного-определения, характеризующего "башню", "бульвар", "дело" [Теньер 1988: 164-165].

1.4.1.2. Сочетания типа "прилагательное + существительное"

Тип **Прил. + Сущ.** Как видно из схемы, формы реализации данного типа словосочетания в сопоставляемых языках различны во многих компонентах.

Так, в агульском языке отсутствует согласование прилагательного с существительным. В отличие от агульского, во французском имеется согласование в роде и числе (по крайней мере орфографически).

Различие заключается и в позиции зависимого прилагательного. При его обязательной препозиции в агульском французское прилагательное в зависимости от позиции создает, по словам В.Г.Гака, грамматическую категорию способа характеризации, включающую «два значения: спецификацию и квалификацию (в узком смысле термина). Спецификация выражает ограничительный признак, обычно реализуется в постпозиции. Квалификация — неспециальный признак предмета, его характеризация в субъективно-оценочном отношении — реализуется в препозиции» [Гак 1986: 138]. Л.Теньер рассматривал это явление в типологической перспективе на основе деления языков мира на центробежные и центростремительные: «В умеренно центробежных языках ... оба порядка следования компонентов субстантивной группы — существительное и определяющее его прилагательное — сосуществуют, но с разными значениями. Таково положение вещей во французском, где значение сочетания un brave homme меняется в зависимости от места определения: un brave homme 'славный человек', в то время как un homme brave 'храбрый человек', une bonne femme 'простая женщина' не то же, что une femme bonne 'добрая женщина'» [Теньер 1988: 161]

Приведем примеры:

Лука 10: 25 la vie éternelle

ккидиркIва Iуьмур (причастие)

жизнь вечную

Un homme riche riches voisins

девлетлу инсандис девлетлу къуншибурис

богатого человека соседей богатых

de bonnes récoltes bon serviteur Лука 19: 17

иджже бегьер *иджже лукI*

хороший урожай добрый раб

Лука 15: 14 une grande famine

ппара Iайи гаш

великий голод

Лука 19: 22 un homme dur

Iae инсан

человек жестокий

Следует иметь в виду, что рассмотренное выше соответствие охватывает только сочетания с качественными прилагательными. Относительные и притяжательные прилагательные французского языка (которые менее распространены по сравнению с русским) имеют аналогом в агульском языке формы родительного падежа существительного.

1.4.1.3. Словосочетания с зависимым причастием

Схема соответствия словосочетаний «существительное + одиночное причастие» в целом совпадает с представленной в словосочетаниях с зависимым именем прилагательным. Отметим, впрочем, отсутствие различия активных (действительных) и пассивных (страдательных) причастий в агульском языке. В специальной литературе по типологии кеавказских языков эта особенность характеризуется как одна из наиболее существенных типологических черт дагестанских языков в целом: "Из других черт глагольной морфологии, непосредственно связанных с проявлением эргативности в нахско-дагестанских языках, можно указать на отсутствие в них залоговых оппозиций. Последнее распространяется не только на финитные формы, но и на причастия и т.п., ср. авар. *цIалулев вас* `читающий мальчик', но *цIалулеб тIехь* `читаемая книга' (*-в* и -

б – классные показатели)" [Климов, Алексеев 1980: 239]. Французское активное причастие сопряжено со значением одновременности, пассивное – со значением предшествования.

Ср., например:

Лука 19: 30 un petit âne attaché

йирхIуна дагин къемч

молодого осла привязанного

Лука 24: 4 aux vêtements brillants

джагвар нур ицIан кунара

в одеждах блистающих

Во французском языке, как и в русском, в причастном обороте при определяемом – объекте используется пассивное причастие, а имя субъекта вводится с помощью предлога par. В агульском же структура причастного оборота в этом аспекте сохраняет структуру финитного оборота:

Лука 7: 24 roseau agité par le vent

Кулаки къамиш фиштти турттанчин (трансформировано)

трость ли, ветром колеблемую

Лука 10: 36 l'homme attaqué par les brigands

къачагъарикк кичархьу инсандис

попавшемуся разбойникам

Лука 16: 18 renvoyée par son mari

учин шувахъай джуьре хьуна хьир

На разведенной с мужем

Лука 23: 7 la région gouvernée par Hérode

Ирод хIавелдиъ ая дерейиас

из области иродовой

Еще одним существенным отличием словосочетаний с причастным

оборотом в дагестанских языках, в т. ч. и в агульском, от соответствующих конструкций французского языка, является возможность употребления причастия не только при определяемом существительном, выполняющем роль субъекта или объекта действия, но и при именах, выступающих по отношению к действию, выраженному причастием, в самых разнообразных функциях, ср.

Лука 6: 6 un homme dont la main droite était paralysée

хIуърджал гъил рукъуна са инсан

человек, у которого правая рука была сухая (определяемое одновременно является косвенным дополнением к причастию в причастном обороте).

Французский язык, в котором наблюдается совпадение субъекта причастия и определяемого слова[14], передает соответствующее содержание с использованием придаточного предложения (этот способ применим и при равенстве субъекта причастия и определяемого слова), присоединяемого с помощью относительного местоимения, которое, по определению Л.Теньера, представляет собой «слово, двойственное по своей природе; оно состоит из двух слившихся в единое целое синтаксических элементов, которые в результате синтаксического анализа предстают как различные в синтаксическом отноше-

---

[14] Л.Теньер [1988: 468-469] так комментирует это свойство французского причастия: «Первым актантом причастия обычно служит то существительное, которому оно подчинено:

N'est-ce point à vos yeux un spectacle assez doux Que la veuve d'Hector pleurant à vos genoux? *(Racine. Andromaque, III, IV).*

'Наверно, видеть вам приятно наяву

У ваших ног, с мольбой, несчастную вдову' *букв.* "... вдову Гектора, плачущую у ваших ног'.

Очевидно, что первым актантом причастия pleurant 'плачущая' является здесь сочетание la veuve d'Hector 'вдова Гектора'».

нии единицы. Такие синтаксические единицы занимают на стемме два разных места; когда же хотят отразить на стемме это слитное слово целиком, возникают колебания в выборе того или иного места» [Теньер 1988: 549]:

Лука 6: 8 à l'homme dont la main était paralysée

гъил рукъуна инсандис

человеку, имеющему сухую руку

Лука 9: 9 qui est donc cet homme dont j'entends dire toutes ces choses

Те инсан фуш эгьан, мидегьенттар унихьа зас Тихъас?

Кто же Этот, о котором я слышу такое?

В последнем примере агульский перевод как бы копирует структуру русского предложения.

Использование в русском переводе причастия оказывается возможным благодаря изменению синтаксической роли слова «рука» на объектную.

В целом французский язык здесь близок к русскому, использующему союзное слово *который* или же союз *что*.

Возможность причастного оборота агульского языка, как и других дагестанских языков, иметь собственное подлежащее сближает его с придаточными предложениями французского и русского языков, хотя полное отождествление этих лингвистических единиц, по-видимому, невозможно. Дискуссионность квалификации причастных оборотов не только в дагестановедении, но и в тюркологии (особенности турецкого языка были отмечены и Л.Теньером [1988:]) подтверждает обширная литература: достаточно назвать монографии по аварскому [Бокарев 1949: 223 и сл.; Самедов 1995; 1996], по лезгинскому [Гаджиев 1954; 1963]; даргинскому [Абдуллаев 1971: 291 и сл.]; табасаранскому [Ханмагомедов 1970: 102 и сл.] и лакскому [Муркелинский 1963] языкам, а также целый ряд специальных статей. Специфику подобных оборотов раскрывают, на наш взгляд, специальные

термины "развернутые члены предложения", "осложненные члены предложения", подчеркивающие невозможность приравнять эти образования ни к причастным оборотам, ни к придаточным предложениям русского языка.

Еще одной особенностью агульских оборотов является употребление возвратных (логофорических) местоимений для обозначения актанта причастия, кореферентного субъекту главного глагола:

Лука 9: 10 Les apôtres revinrent et racontèrent à Jésus tout ce qu'ils avaient fait

вакилари ахъакьуная Iисайис джалла чиппи акьуттарихъас

Апостолы... рассказали Ему, что они сделали

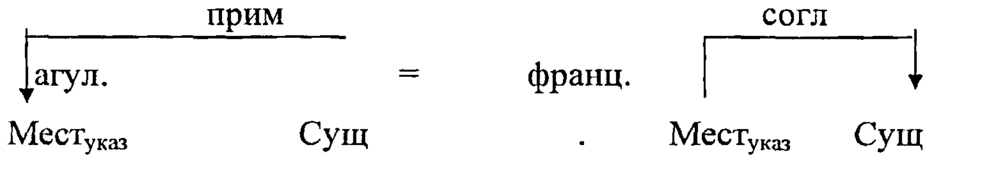
Агульское причастие занимает препозицию по отношению к определяемому (в последнем примере причастие субстантивировано). Во французском языке, как одиночное причастие, так и причастный оборот, обычно находятся в постпозиции.

1.4.1.4. Словосочетания с зависимым местоимением

Тип **Мест + Сущ.** Структура и семантика местоимения как самостоятельной части речи довольно разнообразна. На основе семантики, словоизменения и синтаксических функций, например, местоимения и местоименные слова агульского языка разбиваются на следующие разряды: личные, притяжательные, указательные, вопросительные, определительные (wari «весь, все») и возвратные [Магометов 1970: 101 и сл.], В некоторых работах выделяется также отрицательное неопределенное, в роли которого выступает лексикализованное числительное са ‘один’ [Алексеев, Сулейманов 1999: 404]. Соответственно, подобная неоднородность двнной категории отражается и на разновидностях словосочетаний, формируемых с участием местоимений, среди которых мы можем выделить следующие типы субстантивно-прономинальных словосочетаний.

1.4.1.4.1. Словосочетания с зависимым указательным местоимением

Между агульскими и французскими словосочетаниями данного типа наблюдается расхождение, характерное для сочетаний с зависимыми прилагательными: во французском языке наблюдается согласование зависимого местоимения с существительным в роде и числе. Порядок слов в сопоставляемых языках совпадает: местоимение находится в препозиции.

Лука 1: 29 cette salutation	1: 61 ce nom/cet enfant 2: 34	4: 2 ces jours
гиштин салам	*лиштин ттур /Ме Шиникк*	*Гьеге ... ягъди*
это приветствие	сим именем / Сей[15]	эти дни

Этот же структурный тип имеем и в сочетаниях с зависимым определительным (кванторным) местоимением с тем лишь отличием, что французское местоимение требует обязательного употребления определенного артикля или притяжательного местоимения:

Лука 1: 65 toute la région	tout le peuple 2: 10	tous les peuples 2: 31
КIилди ... суварикъ	*кIилди инсанарис*	*джалла халкьарис*
по всей… стране	всем людям	всех народов

1.4.1.5. Словосочетания с зависимым числительным

Тип **Числ + Сущ**. В сопоставляемых языках, в отличие от русского, числительное связывается с существительным по типу примыкания. При этом агульское существительное в таких словосочетаниях имеет форму единственного числа. Во французском языке существительное в сочетании с числительным (за исключением числительного un|une "один", согласуемого с

---

[15] Субстантивировано

главным словом в роде) имеет форму множественного числа. Ср.:

Лука 2: 36 sept ans

ери исалас

семь лет

В агульском (и нередко во французском) в сочетании с определениями-прилагательными числительные обычно занимают более отдаленную позицию от определяемого слова. Во французском они обычно занимают левую и правую позиции:

Лука 8: 2 sept esprits mauvais

ери шейтIан

семь бесов

Лука 11: 26 sept autres esprits

ери шейтIан (опущено)

семь других духов

Указательное местоимение, напротив, занимает по отношению к числительному левую позицию:

Лука 13: 4 ces dix-huit personnes

те цIемуя инсан

те восемнадцать человек

Специфическую подгруппу словосочетаний с зависимыми числительными составляют сочетания с неисчисляемыми существительными, в которых используются так называемые нумеративы, т. е. существительные, обозначающие соответствующую единицу измерения. В обоих языках подобное существительное выступает в качестве главного слова в словосочетании (см. также раздел «Генитивные словосочетания»):

Лука 16: 6 Cent tonneaux d'huile d'olive.

Верш маргай ччаман

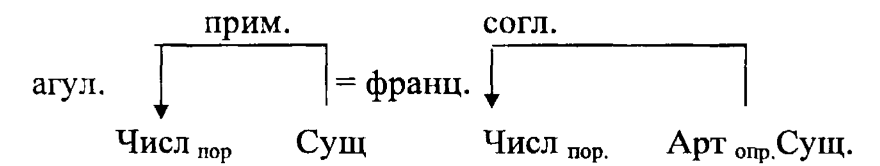
сто мер масла

Лука 16: 7 Cent sacs de blé

Верш чувал кьваран

сто мер пшеницы

Порядковые числительные в роли зависимого слова в субстантивных словосочетаниях демонстрируют характеристики, которые можно отобразить в виде следующей схемы:

Примеры:

Лука 3: 1 la quinzième année

цIегIифудпе ис

пятнадцатый год

Лука 24: 21 le troisième jour

хьибудпе ягъ

третий день

Лука 1: 26 Le sixième mois

Ерхьидпе ваз

Шестой месяц

1.4.2. Адъективные словосочетания

К адъективным словосочетаниям относятся прежде всего конструкции с зависимым наречием, указывающим на меру или степень проявления признака (ср.: «прилагательное может иметь в качестве подчиненного элемента только наречие» [Теньер 1988: 196]). Это наречие обычно находится в препозиции.

Особую группу представляют сравнительные конструкции, строящиеся по двум моделям; в агульском прилагательное, как и в других дагестанских языках, сочетается с аблативом объекта сравнения, во французском используется модель plus Adj que..., ср.:

Лука 3: 16 plus puissant que moi

залас кьудрат хъаяф

сильнейший меня

Лука 7: 28 de plus grand que Jean

ЯхIъяйилас хIа

больше Иоанна

1.4.3. Нумеративные словосочетания

В сочетании числительного с зависимым существительным или местоимением передается выделительное отношение. В агульском языке в таких сочетаниях зависимый элемент оформляется генитивом, во французском - предлогом de, ср.

Лука 7: 18 deux d'entre eux

учин Iу ученикдис (перефразировано)

двоих из учеников своих

Сходные конструкции отмечены и в других дагестанских языках. С. К. Сулейманова так описывает соответствующую аварскую модель: "словосочетания с главным компонентом – количественным числительным обычно выражают выделительные отношения: *херазул цо* "один из пожилых (старых)", *бахIаразул кIиго* "двое из молодых", *цIалдохъабазул щуявго* "пятеро из учащихся", *лъималазул лъабавго* "трое из детей" [Сулейманова 1980: 172]. Как показывает вышеприведенный пример, данное сочетание легко трансформируется в субстантивное с зависимым числительным.

1.4.4. Прономинальные словосочетания

К словосочетаниям с местоимениями в роли главного слова относятся, во-первых, приложения (см. выше).

Во французском подобная семантика может передаваться и определительным придаточным:

Лука 6: 24 à vous qui êtes riches

чве девлетлубур

вам, богатые (обращение)

Близкими по семантике к нумеративным сочетаниям являются словосочетания с главным отрицательным и т.п. местоимением, передающие выделительные отношения:

Лука 4: 26 chez aucune d'elles

Опущено

ни к одной из них;

Лука 4: 27 aucun d'eux

гебурикес садра

ни один из них

Лука 7: 42 Lequel des deux (из двух)

гебурикес гьинас

который из них

Среди прономинальных словосочетаний широко распространены сочетания двух местоимений, находящихся в аппозитивном отношении:

Лука 7: 18 tout cela

кIилди ге курарихъас (обо всех этих делах)

обо всем этом

Лука 7: 19 quelqu'un d'autre

сасрайихъ

(кого-то) другого

1.4.5. Глагольные словосочетания

1.4.5.1 Словосочетания с зависимым существительным

Тип Гл + Сущ. Глагольные словосочетания с зависимыми существительными в сравниваемых языках довольно разнообразны как с содержательной, так и с формальной стороны. Все же эти разновидности словосочетаний обнаруживают и некоторые универсальные закономерности своего строения. В частности, основные различия между агульскими и французскими моделями можно сформулировать следующим образом:

1. Во французском языке, как и в русском, зависимый именной компонент находится обычно (а) в постпозиции глаголу, в агульском – в препозиции, хотя (б) исключения встречаются и в том, и в другом языке (в агульском особенно под влиянием русского), ср.

(а) Лука 10: 18 voyais Satan

Иблис агуне

видел сатану и т.д.

Поспозиция именного компонента в агульском:

(б) Лука 10: 2 Priez donc le propriétaire de la moisson

ТIалаб акье Эессис

молите Господина жатвы и т.п.

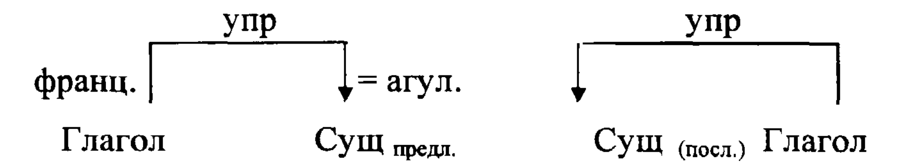
2. Во французском языке более распространено предложное управление, если не считать сочетаний с беспредложным прямым объектом. В агульском языке благодаря большому количеству пространственных падежей гораздо шире представлено падежное управление, реже – послеложно-падежное. В приводимых ниже примерах французским предлогам соответствуют агульские пространственные и грамматические падежи:

Лука 10: 19 marcher sur les serpents et les scorpions .

алишас иланарила Іекьрабарилла (суперлокатив)

наступать на змей и скорпионов

Схематически соответствие глагольно-именных словосочетаний в сравниваемых языках можно представить следующим образом:

1.4.5.2 Словосочетания с зависимым местоимением

В общих чертах местоимения ведут себя аналогично существительным, однако во французском для местоимений характерна, во-первых, препозиция и, во-вторых, падежное словоизменение, т.е. наличие специального объектного и дательного падежей:

Лука 10: 33 le vit

инсан агугуна

увидев его

Лука 11: 12 lui dit

пуная гис

сказал ей

Лука 10:38 le reçut

хъаттфайшуная гебур

приняла его

Лука 10: 35 te paierai

есе ве пул

отдам тебе

Лука 10: 20 vous obéissent

чвас мутІеІ вея

вам повинуются

1.4.5.3 Словосочетания с зависимым наречием

Французские наречия в подобных словосочетаниях могут сочетаться с предлогами, эквивалентными агульским падежным формам:

Лука 16: 26 passer d'ici

Мисаас ... вес

перейти отсюда

Глава 2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

2.0. Общие сведения

Согласно лингвистической традиции, "в узком, собственно грамматическом, смысле простое предложение - это такая единица сообщения, которая, будучи образована по специально предназначенному для этого грамматическому образцу, обладает значением предикативности (т.е. категорией, которая целым комплексом формальных синтаксических средств соотносит сообщение с тем или иным определенным или неопределенным временным планом действительности) и своей собственной семантической структурой обнаруживает их в системе формальных изменений и имеет определенную коммуникативную задачу, выражающуюся интонацией и порядком слов" [ЛЭС 1990: 395].

Хотя высказывания, «следующие определенному грамматическому образцу», составляют ядро данной категории, в обоих сравниваемых языках в речи нередко встречаются и периферийные единицы - так называемые нечленимые высказывания, в т.ч.

(а) междометия[16], в использовании которых Ш.Балли различал три основных группы: «Значения, придаваемые междометиям, до бесконечности

---

[16] От этих высказываний следует отличать конструкции, получаемые в результате трансформации стандартных предложений: «В тех языках, где при предикативных определениях обычно употребляется глагол со значением "быть" (как, например, во французском и немецком), этот оборот без глагола употребляется в восклицательных и вопросительных предложениях: франц. Votre ami! un as! 'Ваш друг! - Молодец!' нем. Wer da? 'Кто там?'» [Теньер 1988: 171].

разнообразны и имеют множество оттенков, но их довольно легко можно свести к трем категориям. Одни, подобно вышеприведенным, выражают эмоции и проявления воли — это восклицания; следовательно, они носят модальный характер (Eh eh!=«Это довольно-таки забавно»; Chut! = «Замолчите!»). Другие — описательные, передают события, обстановку; их называют ономатопеями; следовательно, они носят диктальный характер (Boum! = «Произошел взрыв»; Patatras!=«что-то упало»). Третьи, наконец, дают указания; они служат «сигналами», выполняя деиктическую функцию (Pst!, Hola!=«Я обращаюсь к вам»); они выражают отношения и напоминают грамматические связи» [Балли 1955: 51].

(б) слова-предложения. Во французском это так называемые «утвердительно-отрицательные слова-фразы» oui, non, si («Первичная функция этих слов — общее выражение ответа. Они выражают положительную или отрицательную реакцию на высказывание собеседника (утверждение и отрицание, согласие и несогласие, готовность или неготовность выполнить приказание и т. п.). Они не всегда замещают соответствующее предложение по смыслу (то есть не всегда реализуют собственно анафорическую функцию), но всегда возмещают предложение в структурном аспекте. По отношению к предложению они ведут себя так, как местоимение по отношению к имени. Поэтому иногда их называют «про-фразами» [Гак 1986: 304]) и «указательно-предикативные слова» voici и voilà [Гак 1986: там же].

(в) речевые формулы и т.п.,

Выражения подобного рода могут включаться в состав стандартных предложений в качестве вводных конструкций.

2.1. Классификация предложений

Предложения классифицируются в современной лингвистике на основе

нескольких параметров: с точки зрения грамматической структуры, семантики и коммуникативных задач. Так, с точки зрения отношения высказывания к действительности противопоставляются утвердительные и отрицательные предложения. Цель высказывания служит основанием для противопоставления повествовательных, вопросительных и побудительных предложений. Структура предложения принимается во внимание при выделении, во-первых, простых и сложных предложений, во-вторых, односоставных и двусоставных и, в-третьих, распространенных и нераспространенных, а также полных и неполных предложений.

2.1.1. Утвердительные и отрицательные предложения

Как в агульском, так и во французском языке утвердительные предложения не имеют специальных средств выражения:

Лука 4: 17 et on lui remit le rouleau du livre du prophète Ésaïe

Гилди йиная пайгъамбар Ишаяйин китаб

Ему подали книгу пророка Исаии;

Лука 5: 5 Le Fils de l'homme est maître du sabbat

Инсандин КIиркI — киш ягъанна ХIаф э

Сын Человеческий есть господин и субботы и т.д.

Структура отрицательного предложения обычно рассматривается как трансформация соответствующей утвердительной струтуры с использованием специальных показателей отрицания. Собственно, различия между сопоставляемыми языками заключаются в выборе конкретных средств образования отрицательных предложений.

Во французском языке средством отрицания является, во-первых, частица ne (n перед гласным) "не", выступающая в препозиции к глаголу, и постпозитивная частица pas. В агульском синтетические формы глагола-

сказуемого образуют отрицательные корреляты с помощью префикса d(a)-, аналитические – с помощью отрицательных форм вспомогательного глагола. Отрицание побудительных форм (запретительное наклонение) образуется с помощью специальной запретительной морфемы m(a-)

Лука 7: 6 Maître, **ne te dérange pas**. Je **ne suis pas digne** que tu entres dans ma maison

Вун **бизар мева**, *зе хIаф. Вун зе хулади ачадес, зун* ***лайикьлу инсан дава***

не трудись, Господи! ибо я **недостоин**, чтобы Ты вошел под кров мой;

Лука 6: 44 on **ne cueille pas** des figues sur des buissons d'épines et l'on **ne récolte pas** du raisin sur des ronces

МеркIварилас инджирар завал ***аркьайдава***, *зазарилас тIибитIарин лукар* ***алдартIайдава***

не собирают смокв с терновника и **не снимают** винограда с кустарника.

Так называемое частное отрицание, выражаемое в русском языке постановкой отрицательной частицы перед соответствущим членом предложения, в сопоставляемых языках не имеет специальных морфологических средств выражения:

Лука 5: 32 Je **ne suis pas venu** appeler ceux qui s'estiment justes, mais ceux qui se savent pécheurs pour qu'ils changent de comportement

Зун Аллагьдин рекъуьъ аяттарилди ***дава адинаяф***, *зун адинаяфе Аллагьдидди алдарк пас гунагьар кяттарис*

Я пришел призвать **не праведников**, а грешников к покаянию

Лука 4: 4 L'homme **ne vivra pas** de pain seulement

Са гунилди дава *инсан ешемиш веяф*

не хлебом одним будет жить человек.

В агульских примерах соответствующий смысл передан порядком следования компонентов: отрицаемый компонент занимает препозицию к

отрицательному вспомогательному глаголу, в то время как остальная часть предложения, в том числе причастие смыслового глагола, размещаются в постпозиции. Собственно, выделение отрицаемого члена предложения производится путем отделения вспомогательного глагола от смыслового и переноса его в позицию непосредственно после отрицаемого компонента.

Частноотрицательные предложения во французском языке могут строиться с помощью отрицательной частицы non (как правило, при противопоставлении), занимающей позицию перед соответствующим компонентом предложения:

Лука 13: 14 et **non le jour** du sabbat!

киш ягъа сагъ ***маркьа***

а **не в день** субботний

Идея отрицания может быть выражена и лексически. Об этом, в частности, свидетельствуют соответствия положительных и отрицательных форм в разных языках:

Лука 6: 29 **laisse-le** prendre aussi ta chemise (разреши взять)

Ве варттал але кан фаттивуттис, берхIемра ***фачи***

не препятствуй взять и рубашку;

Лука 6: 48 mais **sans pouvoir** l'ébranler (предлог «без» с инфинитивом)

хал тIушуна ***адава***

то **не могла** поколебать его

Отрицательные местоимения и местоименные слова во французском языке как бы замещают частицу pas, хотя находятся в позиции соответствующего члена предложения, в агульском специальный разряд отрицательных местоимений не выделяется, а их роль выполняют неопределенные местоимения:

Лука 4: 26 Pourtant Dieu n'envoya Élie chez **aucune** d'elles

Амма Iизраилдин ашкIинарилди ***сайилдира*** *гьидикуна, пайгьамбар Илйа*

и **ни к одной** из них не был послан Илия;

Лука 5: 37 Et **personne** ne verse du vin nouveau dans de vieilles outres

***Сайира** агьартайдава цIае чехир цIуьре кIечIариди*

И **никто** не вливает молодого вина в мехи ветхие

Лука 15: 29 tu ne m'as **jamais** donné même un chevreau

амма вун зас мудур хьунара ефттава (опущено)

ты **никогда** не дал мне и козлёнка

Во многих контекстах наблюдается противопоставление положительных и отрицательных предложений, выражаемое обычно с помощью противительных союзов:

Лука 8: 52 Elle n'est pas morte, elle dort

Ге кIина адава, ге гъархьунаф э

она не умерла, но спит.

Вопросительные предложения в обоих сопоставляемых языках являются контекстом нейтрализации противопоставления утвердительных и отрицательных форм. Ср.:

Лука 13: 16 Et cette femme… ne fallait-il pas la détacher de ses liens le jour du sabbat?

ме, гьал киш ягъ э пунегъай, ахттигьар аду, мис рехIет акьуна, ме атас?

Сию же дочь Аврамову… не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?

Лука 13: 15 Le jour du sabbat, chacun de vous détache de la crèche son boeuf ou son âne pour le mener boire, n'est-ce pas?

Чвакес гьертти, хъатуна тIунахъас е вец, е даги киш ягъа гъайду хьед ес?

Не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить?

Как видно из примеров, отрицательное вопросительное нередко

используется в функции риторического вопроса, что показывает французский перевод в последнем примере, имеющий утвердительную форму, сопровождаемую негативным вопросом (= рус. не так ли?).

2.1.2. Повествовательные, побудительные и вопросительные предложения

Оппозиция повествовательных, побудительных и вопросительных предложений, как и противопоставление утвердительных и отрицательных предложений, регистрируется во всех языках мира. Сопоставляемые языки в этом отношении не составляют исключения, хотя и обнаруживают своеобразие в способах ее выражения. В этой оппозиции немаркированными являются повествовательные, в которых, как правило, глагол-сказуемое принимает формы индикатива:

Лука 17: 11 Tandis que Jésus faisait route vers Jérusalem, il passa le long de la frontière qui sépare la Samarie et la Galilée

Iиса вей хьуная Ерусалимдиди, Самари дерейинна Галилея дерейин арайиъ ая рекъуьас

Идя в Иерусалим, Он проходил между Самариею и Галилеею

Лука 17: 37 Où sera le cadavre, la aussi se rassembleront les vautours

нандиъ аячин къаджарарисра хабар вереф э

где труп, там соберутся и орлы

2.1.2.1. Вопросительное (Interrogative) предложение

Вопросительные предложения, определяемые обычно как предложения, которые выражают «желание говорящего побудить своего собеседника к ответу и таким образом узнать то, чего он сам не знает» [Ахмедов 1999: 77], выделяются во всех языках мира. Различия наблюдаются, во-первых, в средствах выражения вопроса и, во-вторых, в наличии особых способов выражениия тех или иных оттенков вопросительного значения. В агульском языке «структурная особенность вопросительных предложений, - по словам З.К.Тарланова [1994: 213], - состоит в том, что они обязательно включают в себя

вопросительные слова (наречия и местоимения) и частицы. Обычно вопросительное слово начинает предложение, за ним следует сказуемое, далее - подлежащее. Это общее правило реализуется по-разному в зависимости от того, к какому члену предложения ставится вопрос: Najič wej wun? - Куда идешь ты?; Nandiras adife ge? - Откуда приехал он? При наличии в вопросительном предложении дополнений они располагаются после подлежащего: Nandiras fajife wun me? - Откуда принес ты это? Возможен и другой порядок слов, когда вопросительное слово стоит не в начале предложения: Wun me nandias fajif e? - Ты это откуда принес? В любом случае должны соблюдаться два непременных условия: а) чтобы вопросительное слово и сказуемое располагались контактно и б) чтобы вопросительное слово предшествовало сказуемому».

Лука 18: 26 Mais **qui** donc peut être sauvé?

Давайчин ***гьинафас*** *хьасе ккейчIвас?*

кто же может спастись?

Лука 18: 41 **Que** veux-tu que je fasse pour toi?

Фи *ккандея вас Закес?*

чего ты хочешь от Меня?

Лука 19: 23 Alors, **pourquoi** n'as-tu pas placé mon argent dans une banque?

Фас *ихьундава вун ле пул ккасттиъ?*

для чего же ты не отдал серебра моего в оборот…?

Как видно из примеров, во французском действуют аналогичные правила размещения вопросительного слова. Особый случай составляет вопрос к глаголу. Ситуация во французском языке описывается Л.Теньером [1988: 210]: «глагольное ядро, которое составляет вершинный узел всего предложения, также может быть объектом вопроса к ядру. В этом случае частный глагол заменяется глаголом faire ‘делать’, выступающим в качестве общего слова, а вторым актантом является вопросительное актантное существительное que?

‘что?’: Que fait Alfred? ‘Что делает Альфред?’» Аналогично строится подобный вопрос и в агульском, но здесь глагол сливается с вопросительным словом в единое целое:

Лука 3: 14 Et nous, **que** devons-nous **faire**?

Чин **фикьуна** кканде?

а нам **что делать**?

Кроме того, во французском языке, по словам Л.Теньера [1988: 213], «общие вопросительные слова (и соответственно - вопросы к ядру) могут быть усиленными (renforcés), если они представлены в виде главного предложения с глаголом être ‘быть’, а основная часть вопроса заключена в **придаточное предложение,** являющееся частью этого сложноподчиненного предложения»:

Иная модель наблюдается в вопросительных предложениях без вопросительного слова (так называемые частные вопросы). Французский язык использует две возможности: во-первых, инверсию личных местоимений, т.е. их постпозицию к глаголу:

Лука 9: 13 Voudrais-tu peut-être que nous allions acheter des vivres pour tout ce monde? (желаешь ли ты…)

гьал ягIайдава чин ушуна джалла ге инсанарис гъуланчин Iелеф

разве нам пойти купить пищи для всех сих людей?

Лука 12: 51 Pensez-vous que je sois venu apporter la paix sur la terre?

Чун фикир аркьаяв, Зун Iаре маслихIет фай адинаеф э пуна джилилди?

думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле?

При этом во фразе сохраняется пождежащее-субстантив, занимающее препозицию:

Лука 23: 6 Cet homme est-il de Galilée? (этот человек…)

Галилеяйиас эв ме инсан?

разве Он Галилеянин?

Во-вторых, «в результате развития вопросительной структуры с инверсией и глаголом *être* во французском языке появился способ выражения вопроса с подчинением, аналогичный способу усиления вопроса, относящегося к ядру …, например:

франц.: Est-ce qu'Alfred est venu? 'Разве Альфред пришел?' Или другой пример (здесь коннективный вопрос нацелен прежде всего на синтаксическую связь слова Alfred): франц. Est-ce Alfred qm est venu? 'Разве это Альфред пришел?'» [Теньер 1988: 224]

Агульский язык маркирует вопросительные предложения этого типа специальным вопросительным показателем [Шаумян 1941: 110; Магометов 1970: 149 и др.]

Лука 14: 3 Notre loi **permet-elle** ou non de faire une guérison le jour du sabbat? (позволяет ли наш закон…)

Ахттигьар аяв *сагь акьас киш ягъа хъара аду?* (… или нет?)

позволительно ли врачевать в субботу?

Агульский вопрос в последнем примере строится по модели так называемого дизъюнктивного или альтернативного вопроса, который можно считать разновидностью группы общих (коннективных, по Л.Теньеру) вопросов, как бы содержащих два варианта ответа. Эти варианты объединяются при помощи разделительного союза:

Лука 12: 41 Seigneur, dis-tu cette parabole pour nous seulement **ou** bien pour tout le monde?

Е ХІаф, Вун ле мисала агъаяф час эв, ***хъара*** *джаллабурис эв?*

Господи! к нам ли притчу сию говоришь, или и ко всем?

Как видно из примера, в таком вопросительном предложении в агульском языке повторяется глагольная форма, имеющая специальный вопросительный показатель.

Альтернативный вопрос может строиться в виде частновопросительного с дополнением предполагаемых ответов:

Лука 20: 4 qui a envoyé Jean baptiser? Est-ce Dieu ou les hommes? (Кто послал Иоанна крестить? Бог или люди?)

ЯхIъяйис хьеттигI гIучIуна-гIайчIва гIедат акьас гьина э хIавел йинаф? Аллагьди эв хъара инсанари?

крещение Иоанново с небес было, или от человеков?

Лука 22: 27 Car qui est le plus important, celui qui est a table ou celui qui sert?

Фуш э хIаф? Суфрайихъ хъаяф эв, хъара гигь гьуруцаяф эв?

Ибо кто больше: возлежащий или служащий?

Во французском языке распространены так называемые (= англ. tail questions), представляющих собой утверждение с добавлением краткого вопроса n'est-ce pas? ‘не так ли?’:

Лука 17: 9 Il n'a pas a remercier son serviteur d'avoir fait ce qui lui était ordonné, n'est-ce pas?

Вун чухсагъул пасттавахи лукIус, учи акьуна ккандея кар акьухаб?

Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? не думаю

Прямых соответствий подобным вопросам в агульском языке не имеется, хотя нельзя не указать на рассмотренную выше модель дизъюнктивного вопроса.

В обоих сопоставляемых языках распространены так называемые эхо-вопросы, используемые в тех случаях, когда собеседник либо не понял или не расслышал сообщения, либо желает удостовериться в правильности своего понимания. В этих случаях вопросительное предложение является неполным.

В различных языках мира отмечается возможность употребления двойного вопроса, т.е. вопросов с одновременным наличием двух вопросительных слов,

употребляемых в различных функциях. Как отмечает Л.Теньер [1988: 217], «структура этого типа отсутствует во французском языке. Возможный и даже изящный выход из этого положения состоит в том, что данное вопросительное предложение … разбивается на два, каждое из которых содержит по одному вопросительному ядру и переводится по отдельности (Mais quel est celui qui donne des coups et à qui les donne-t-il? *букв.* 'но кто бьет и кого он бьет?')»

Как и в других языках мира, во французском и агульском языках широко распространены риторические вопросы, т.е. предложения, вопросительные по форме, но имеющие значение эмоционально окрашенного утверждения или отрицания. Такие вопросы могут строиться как по модели общего (а), так и по модели частного (б) вопроса, ср.

(а) Лука 5: 34 Pensez-vous pouvoir obliger les invités d'une noce a ne pas manger pendant que le marié est avec eux?

Фиштти э гIулар хъучикаф цIакинил сивар ухIас, наврузбег гебурихъай амедегьен гагьди? (как можете…)

можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?

(б) Лука 5: 30 Pourquoi mangez-vous et buvez-vous avec les collecteurs d'impôts et autres gens de mauvaise réputation

Фас чун Iелди-ухай аяфе налукар завал аркьаттарихъайна гунагьар кеяттарихъай?

зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? (= не делйте этого);

Лука 5: 21 **Qui** peut pardonner les péchés? Dieu seul le peut.

Са Аллагьдифас ду вереф гунагьарилас гъил гьушанас? (не один ли Бог…)

кто может прощать грехи, кроме одного Бога? (= никто)

В последнем примере риторический характер вопроса подчеркивается наличием ответа во французской фразе. Соответствие в некоторых примерах

частных и общих вопросов показывает относительный характер противопоставления между ними в подобных случаях.

В агульском языке специальным средством оформления одного из видов риторического вопроса является аффикс *-han*, о котором З. К. Тарланов [1994: 148-149] писал следующее: " С помощью форм гипотетического наклонения глагольные действия, состояния переводятся в план предполагаемых с точки зрения говорящего. Образуются они на базе индикатива посредством суффикса -han: Gur xala ahan? - (Интересно) дома ли они? Интонация предложений с формами этого наклонения - вопросительная, но сами подобные предложения не содержат вопроса, кому-то адресованного и требующего ответа, а составляют принадлежность речи, построенной в манере размышления, сомнения. Это способ выражения мысли, в реальности которой говорящий сомневается». На наш взгляд, нет оснований отказываться от интеррогативной трактовки этого типа предложений. Например, сходные структуры даргинского языка трактуются сдедующим образом: «Такое выражение вопроса характерно в том случае, когда вопрос ставится с сомнением в получении нужного ответа, с сомнением в существовании того, чем интересуется говорящий. Такой вопрос, выраженный с помощью слова *вара*, в большинстве случаев носит как бы возвратный характер, т. е. говорящий ставит вопрос будто перед собой, а не перед другим, спрашивает сам себя» [Абдуллаев 1971: 43]. Иными словами, вопрос может быть обращен не только к собеседнику, но и к самому говорящему.

Вопросительные конструкции во французском языке используются также для передачи [ср. Голубева-Монаткина 1985: 99-100]

а) приказания:

Me passerez-vous ce livre, oui ou non ?

Allez-vous me passer ce livre, oui ou non ?

Vous me passerez ce livїe, oui ou non ?

Vous allez me passer ce livre, oui ou non ?

Est-ce que vous me passerez ce livre, oui ou non ?

Est-ce que vous allez me passer ce livre, oui ou non ?

Vous voulez me passer ce livre, oui ou non ?

Voulez-vous me passer ce livre, oui ou non ?

Est-ce que vous voulez me passer ce livre, oui ou non ?

б) просьбы:

Voudriez-vous me passer ce livre?

Vous (ne) voudriez (pas) me passer ce livre?

Est-ce que vous (ne) voudriez (pas) me passer ce livre ?

Vous (ne) pouvez (pas) me passer ce livre ?

Est-ce que vous (ne) pouvez (pas) me passer ce livre ?

Pouvez-vous me passer ce livre ?

Vous (ne) pourriez (pas) me passer ce livre?

Est-ce que vous (ne) pourriez (pas) me passer ce livre?

Pourriez-vous me passer ce livre?

Puis-je vous demander de me passer ce livre?

Puis-je me permettre de vous demander de me passer ce livre ?

Consentiriez-vous à me recevoir dès ce matin ?

Vous (ne) consentiriez (pas) à me recevoir dès ce matin ?

Est-ce que vous (ne) consentiriez (pas) à me recevoir dès ce matin ?

Sauriez-vous me passer ce livre ?

Vous (ne) sauriez (pas) me passer ce livre?

Est-ce que vous (ne) sauriez (pas) me passer ce livre?

Serez-vous assez bon pour me passer ce livre ?

Auriez-vous l'obligeance de me passer ce livre ?

Auriez-vous l'amabilité de me passer ce livre ?

Auriez-vous la bonté de me passer ce livre ?

Вопросительные формы могут служить для обращения внимания собеседника на объект речи:

Лука 7: 44 Tu vois cette femme?

Аргваяв вас ме дишагьли?

видишь ли ты эту женщину? (= посмотри на эту женщину)

Вопросительное предложение со структурой утвердительного может быть охарактеризовано как вопрос-утверждение, требующее от собеседника не столько ответа, сколько комментария. Ср.:

— Alors, comme ça, tu vas à Moscou ? —Oui. Je les accompagne à la ville, et demain, c'est Moscou.

— Значит, в Москву теперь? — Да, провожу их в город, а завтра в Моекву.

Как видно из примера, ответом на вопрос здесь является именно комментарий к предыдущему утверждению.

2.1.2.2. Побудительные (Imperative) предложения

В обоих сопоставляемых языках основным средством оформления побудительных предложений, т.е. предложений, выражающих волю, стремление говорящего побудить собеседника к совершению какого-либо действия, является повелительная форма глагола. Во французском языке императив формально не маркируется, совпадая с формами индикатива [см. Гак 1986: 200]. Различие проходит на уровне синтаксиса, в частности, отсутствием сегментно выраженного подлежащего в императиве:

Лука 6: 10 Avance ta main

Дагъ гьил

протяни руку твою

Лука 6: 27 Aimez vos ennemis, faites du bien a ceux qui vous hanssent,

Ккан ухь чве душманар, иджвел акье чун дакканттарис

любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас

Как французский, так и агульский императив различают числовые формы, хотя в приведенном выше примере формант множественности в агульском императиве отсутствует.

С точки зрения функции побудительные предложения здесь весьма разнообразны и могут выражать

- просьбу,

Лука 5: 9 Éloigne-toi de moi, Seigneur

Е зе XIаф, ях загьас

выйди от меня, Господи!

- совет,

Лука 5: 4 Avance plus loin, la où l'eau est profonde, puis, toi et tes compagnons, jetez vos filets pour pêcher

ГIачушуна уьркIе мукьуйигIди, гIихь чве чалар балугъар фацанас

отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова

- призыв,

Лука 6: 28 bénissez ceux qui vous maudissent et priez pour ceux qui vous maltraitent

благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас

иджвелин гаф уп, чвас рукъалар аркьаттарис, дуьгIе акье чун уджуз аркьаттарис

- предостережение,

Лука 11: 35 Ainsi, prends garde que la lumière qui est en toi ne soit pas obscurité

Хъуттурфен гьа, ваъ ая Iекв мучIе дахьас!

Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?

- приказ

Лука 5: 27 Suis-moi!

Шаб захъай

следуй за Мною

- инструкция

Лука 9: 3 Ne prenez rien avec vous pour le voyage: ni bâton, ni sac, ni pain, ni argent, et n'ayez pas deux chemises chacun

Фера магъуяна рекъуьди: я Іесса, я чанта, я гуни, я пул, я духІуба аркьа кунар

ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды;

- приглашение

Лука 14: 10 Mon ami, viens t'asseoir a une meilleure place

Дустт, гьара мич гІайчІуна экьве!

друг! пересядь выше

- позволение

Ta foi t'a sauvée: va en paix

Ве хъугъувелди вун ухІуне. ЮркІв сакинди ях

вера твоя спасла тебя, иди с миром и т.п.

Хотя позиция подлежащего в побудительных предложениях не заполнена, оно может быть эксплицитно выражено в виде обращения.

В обоих сопоставляемых языках имеются также формы других наклонений, также вовлеченных в сферу выражения побудительности. Так, французский сюбжонктив (сослагательное налонение) используется для выражения пожелания.

Лука 11: 2 Père, que tous reconnaissent que tu es le Dieu saint; que ton Règne

vienne

«Дад, Ве ттур гирами хьурай; Ве Паччагьвел адирай.

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое

В агульском языке формы, передающие соответствующее значение (суф. – *ур-ай*) трактуются как повелительное наклонение по отношению к третьему лицу [Магометов 1970: 142], которое выражает и желательное наклонение.

Правомерность рассмотрения этих форм среди способов выражения побудительности обусловлена тем, что в типологических исследованиях желательное наклонение трактуется как производное от повелительного, наряду с формами просительно-увещевательного, категорического повеления и др. [Дешериева 1988: 64 и сл.].

В исследованиях по французской грамматике последних лет в системе глагольных наклонений выделяют оптатив и императив. Причем «оптатив объединяется с императивом по тому признаку, что они представляют собой два желательных наклонения, выражающих желание и побуждение» [Корди 2009: 43]. По мнению Е.Е.Корди оптатив представлен здесь пятью моделями:

1. Предложения с формой презенса сюбжонктива, вводимые частицей que;

2. Предложения с формой презенса сюбжонктива без частицы que (в основном застывшие фразеологические обороты);

3. Предложения с формой презенса сюбжонктива глагола pouvoir и инфинитивом основного глагола;

4. Предложения с формой презенса сюбжонктива, вводимые частицей pourvu que 'лишь бы', 'только бы';

5.Предложения, вводимые наречием vivement с презенсом сюбжонктива и частицей que.

В свою очередь императив рассматривается автором как составная

категория, которая характеризуется «сочетанием императивных форм и форм сюбжонктива в независимом предложении» [Корди 2009: 79].

Особого упоминания заслуживает тот факт, что в обоих языках имеются формы повеления 1-го лица. В агульском это конструкция «императив глагола «идти» + инфинитив»: *шав акьас* 'давай сделаем' (= франц. презенм сюбжонктива). В этом значении могут быть использованы и формы будущего времени индикатива:

Лука 15: 18 je veux repartir chez mon père et je lui dirai: Mon père...

Ушуна зе дадалди, пасе зун: „Е дад...

встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче!

Лука 15: 23 nous allons faire un festin et nous réjouir

ягIа хьин Iелди-ухай шадвел акьасе

станем есть и веселиться!

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что побудительное предложение в агульском и французском языках в своих основных значениях совпадают. Среди основных различий, по-видимому, можно назвать наличие в числе регулярных средств выражения побудительности агульского языка специальной формы желательного наклонения. Соответствующее ему французское сослагательное (сюбжонктив) формально слабо дифференцируется с индикативом.

В качестве аргумента объединения оптатива и императива в рамках единой понятийной категории побудительности отметим их межъязыковую синонимию:

Лука 14: 35 Écoutez bien, si vous avez des oreilles pour entendre!

ЮркIв алийинаттарис, унихьурай!

Кто имеет уши слышать, да слышит.

Выше агульскому и русскому оптативу соответствует французский

императив.

2.1.3. Восклицательное предложение

На материале дагестанских языков наиболее подробную характеристику восклицательному предложению дал З. Г. Абдуллаев [1971: 27], согласно которому в даргинском "предложении собеседник твердо и уверенно повторяет свое утверждение. Интонация в таком предложении имеет ровный повышенный тон, который походит на тон вопросительного предложения. Но он отличается от вопросительного отсутствием каких-либо оттенков удивления, недовольства, сомнения и иронии. При такой интонации последний слог последнего слова произносится с большей высотой голоса и несколько растяженно, с удлинением. Особенно заметное удлинение последнего слога последнего слова наблюдается, когда собеседник повторяет свое утверждение говорящему, который находится на определенном расстоянии от него".

Выявленные на материале дагестанских языков различные функции восклицательных предложений, группирующиеся в основном вокруг сильных проявлений эмоций, сводятся, в частности, к следующим:

- гнев, сильная обида:

Лука 3: 7 Bande de serpents!

Иланарис хуруттар!

порождения ехиднины!

Лука 9: 41 Gens mauvais et sans foi que vous êtes!

Агь чун инсанар, хъудугъаттар, чIир хьунаттар!

о, род неверный и развращенный!

- сильное волнение, душевное переживание, стремление получить желаемое, доказать свою правоту

Лука 12: 49 et combien je voudrais qu'il soit dêja allumé!

фидегьен ккандея Зас цIа тегIди бугъмиш хьуна!

и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!

- решимость, уверенность, убежденность:

Лука 7: 14 Jeune homme, je te l'ordonne, lиve-toi!

Е джигьил идеми, Зун вас агъая, гъайш!

юноша! тебе говорю, встань!

- сильные положительные эмоции, удовольствие:

Лука 7: 23 Heureux celui qui n'abandonnera pas la foi en moi!

Бахттлу инсан э те, Захъ хъугъуф

и блажен, кто не соблазнится о Мне!

- восхищение, похвалу:

Лука 2: 14 Gloire a Dieu dans les cieux trиs hauts, et paix sur la terre pour ceux qu'il aime!

Шукур варттал але Аллагьдис. Дуьхьуъвелна нуьхIуьбат Аллагь рази ая джилил аледегьен инсанарис.

слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!

Лука 1: 42 Dieu t'a bénie plus que toutes les femmes et sa bénédiction repose sur l'enfant que tu auras!

Вун хумбаригIас, Аллагьдин иджвел але дишагьли!

благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!

Лука 11: 27 Heureuse est la femme qui t'a porté en elle et qui t'a allaité!

Бахттлу э те баб, Вун хуна хIа акьуф

блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!

В целом семантические границы восклицательных предложений довольно расплывчаты. Поэтому нередки случаи несовпадения в сопоставляемых языках интерпретации того или иного высказывания как восклицательного (ср. выше некоторые агульские переводы). Сопоставление французского и русского

переводов показывает, что во французском более или менее регулярно восклицательными оказываются побудительные предложения, в русском – обращения.

Семантическая размытость усугубляется отсутствием четких формальных признаков. Тем не менее, можно заметить, что в сопоставляемых языках, помимо восклицательной интонации в число способов выражения восклицательных предложений включаются (а) междометия, (б) восклицательные слова, которые придают предложению соответствующую эмоциональную окраску, в том числе частицы, местоимения и наречия.

2.1.4. Неполное предложение

Неполные предложения дифференцируются, как известно, не с точки зрения функции, а с точки зрения грамматической структуры, в зависимости от того, трансформом какого полного предложения является рассматриваемая структура, а также от того, в состав какого более сложного единства она входит, проводится классификация неполных предложений. С учетом названных факторов выделяются следующие типы неполных предложений:

1) контекстуальные, встречающиеся обычно в диалогах в виде ответных реплик или же в сложных предложениях, ср.:

Лука 8: 30 Jésus l'interrogea: “Quel est ton nom?” -- “Mon nom est ‘Multitude’”, répondit-il. (полное предложение: «мое имя есть множество»)

Іисайи хабар гъушуная гифас:

— Фуш агъа вас?

— Къушум, — пуная ге инсанди

Иисус спросил его: как тебе имя?

Он сказал: «легион»

Как видим, недостающие в подобных предложениях члены легко

восстанавливаются на основе окружающего контекста.

2) ситуативные, восстановление опущенных членов которых возможно лишь на основе знания экстралингвистической ситуации. Их распространение можно продемонстрировать на следующем агульском примере [см.Магометов 1970: 198].

1.	— najič we chidaj?	— Куда идешь, Чидай?
2.	— daràdi.	— В лес.
3.	— dara fiqas?	— Что будешь делать в лесу?
4.	— k1urar at1as '	— Дрова рубить.
5.	—k1urar at1una fiNas?	— Порубив дрова, что будешь делать?
6.	— muγ' aNas.	— Мост делать.
7.	— muγ'uji fiNas?	— Мост зачем?
8.	— x˜ed kᵊewes.	— Чтобы вода под него шла.
9.	— x˜etᵊi fiNas?	— Водой что делать?
10.	— dabal alγičas.	— Бугор брызгать.
11.	— dabal fiNas?	— Бугор зачем?
12.	— čire ωuк aγuчes,	— Зеленую траву чтобы вырасти
13.	— ωukari fiNas?	— Трава зачем?
14.	— muduri ωuтanas.	— Козленок; чтобы поел.
15.	— muduri fiNas?	— Козленок зачем?
16.	— kantala rukᵊas.	— Ножом зарезать.
17.	— kant fiNas?	— Нож зачем?
18.	— jaωärikᵊ kᵊitanas.	— Повесить на боку.
19.	— jaωäri fiNas?	— Бок (поясница) зачем?
20.	— zibzari ωutanas.	— Муравьи чтобы съели,
21.	— zibzar fiNas?	— Муравьи зачем?

22. — rugun q^{ә}un alirh^{ә}una, кes. — Кинув комок земли убить.

Во всех вопросах предполагается недостающая часть «... тебе нужно» и, соответственно, в ответах – «мне нужно (это)...»

3) эллиптические, т.е. предложения, предполагающие восстановление опущенных членов на основе присутствующих в данном высказывании компонентов.

2.2. Грамматическая структура предложения

Сопоставления грамматической структуры языков номинативного и эргативного строя, к которым принадлежат соответственно французский и агульский языки, опираются прежде всего на различия в формах выражения субъектно-объектных отношений и построенной на этом основании классификации моделей предложения. Классификация агульских предложений по их грамматической структуре до настоящего времени не была предметом исследования: в кратком очерке синтаксиса в монографии З. К. Тарланова [1994], например, речь идет лишь о способах выражения сранения, совместности, временных и иных отношений.

В то же время необходимость подобной классификации является очевидным следствием понятия предложения как языковой единицы, строящейся по определенному образцу. Такая классификация, на наш взгляд, должна исходить из противопоставления главных (подлежащее и сказуемое) и второстепенных (определение, дополнение, обстоятельство) членов предложения, которое, впрочем, не должно не учитывать все более и вербоцентрическую точку зрения на структуру предложения.

Проблему выделения главных членов предложения в агульском языкознании нельзя считать окончательно решенной. З.К.Тарланов посвятил в своей монографии специальный раздел второстепенным членам предложения.

Главные члены предложения также не были обойдены вниманием в этой книге, хотя ответы на некоторые основополагающие вопросы так и не были даны. Это вынуждает нас в рамках сопоставительной грамматики использовать провести обзор параметров, релевантных для противопоставления эргативного и номинативного типов предложений. К таким параметрам исследователи относят возможность внеконтекстного, т.е. неэллиптического опущения субъектного или объектного имени, сочинительное сокращение с базовым подлежащим, координацию с субъектом деепричастия, соотнесенность с возвратным местоимением, кореферентное опущение или замещение в различных сложных конструкциях субъекта или объекта и др. Агульские материалы были исследованы в этом отношении А. Е.Кибриком [Кибрик 1979: 26-47; 2003: 520-534], который пришел, в частности, к следующим выводам [Кибрик 1979: 46-47]:

«С точки зрения падежного кодирования агульский язык характеризуется как семантически эргативный: единственное кодирующее средство - падеж - предопределяется семантической ролью соответствующей именной группы.

На синтаксическом уровне а) явление синтаксической нейтральности представлено в следующих случаях: I) построение сентенциальных актантов вторичных предикатов 'должно', 'начинать' (2-я конструкция); 2) выражение кореферентности при вставлении сентенциального актанта глаголов 'бояться' (инфинитивная техника), 'не нравиться' (масдарная техника); 3) выражение неопределенно-личности при вставлении сентенциального актанта глаголов 'бояться', 'не нравиться'; 4) посессивная рефлексивизация; 5) сочинение предложений с одноместным предикатом в постпозиции (1-я конструкция); 6) релятивизация.

б) Синтаксическая аккузативность харахтеризуется следующими случаями: I) построение сентенциальных актантов вторичных предикатов 'мочь', 'начинать'

(1-я конструкция), 'хотеть'; 2) выражение кореферентности при вставлении сентенциального актанта глагола 'бояться' (масдарная техника); 3) генитивная трансформация Актора при вставлении сентенциального актанта глагола 'бояться'; 4) выражение качественного значения при вставлении сентенциального актанта глагола 'не нравиться'; 5) сочинение предложений с одноместным предикатом в постпозиции (2-я конструкция); 6) сочинение предложений с одноместным предикатом в препозиции.

в) Кроме того, с иерархией семантических ролей связана актантная рефлексивизация.

В целом можно сказать, что агульский язык, который является семантически эргативным, к настоящему времени накопил значительное число признаков синтаксической аккузативности. Эти признаки носят еще характер некоторой тенденции, которая часто альтернативна нейтральности (ср.две конструкции при глаголе 'начинать', 'бояться ', при сочинении с одноместным предикатом в постпозиции), но тем не менее их наличие нельзя считать случайным, особенно в связи с тем, что однозначная кодирующая техника агульского языка как будто не дает оснований для колебаний относительно его принадлежности к тому или иному типу. Это служит лишним аргументом в пользу тезиса о недостаточности морфологических данных для синтаксической квалификации языка».

Рассмотрим подробнее, как аналогичные параметры проявляют себя в сопоставляемых языках.

2.2.1. Возможность внеконтекстного опущения субъектного или объектного имени

Данный параметр свидетельствует об эргативной или номнативной стратегии в зависимости от того, какое имя – субъектное или объектное – может

опускаться. Французское переходное предложение в качестве факультативной маркирует позицию прямого дополнения, которое при определенных условиях может быть опущено, ср. «В предложении Pierre lit une lettre * sa sœur субъектная валентность обязательна, объектная также, хотя и в меньшей степени (можно сказать Pierre lit), но косвенно-объектная — факультативна» [Гак 1986: 185]. Ср. также: «Всякий переходный *V* может получить нетранзитивное^ употребление, если дополнение обозначает конкретный объект, ясный из ситуации, либо, напротив, неопределенный и обобщенный объект. Здесь возможны следующие случаи:

а) субъект сохраняется. Объект опускается ввиду его ясности из ситуации. Таковы многие формулы разговорной речи. Например, вопрос Vous prenez? (об определенной вещи); Vous changez? (в транспорте). Значение глагола при .этом может сужаться;

б) субъект сохраняется. Объект опускается ввиду его всеобщности, неопределенности. Например: Il fume; Il danse (вообще); Ce chien mord; Une longue maladie affaiblit. Глагол приобретает обобщенное значение, выражая постоянное занятие, способности, характеристику субъекта» [там же: 190].

Опущение субъектного имени может сопровождаться трансформацией предложения в пассивный оборот или же в случае так называемых симметричных глаголов переходом имени объекта в субъектную позицию.

Функционально равнозначна конструкциям с опущенным субъектом модель с использованием субъектного местоимения on, означающего неопределенный субъект:

Лука 2: 22 on l'amena à Jérusalem pour le présenter au Seigneur

Юсуфана Майрама, Мусайин закунилди, файдиная Шиниккв Ерусалимдиди Аллагьдис бахш акьас (эксплицитно выраженный субъект: Иосиф и Мария)

принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господом;

Лука 4: 17 et on lui remit le livre du prophète Ésaïe

Гилди йиная пайгъамбар Ишаяйин китаб

и Ему подали книгу пророка Исайи

Лука 6: 38 car on vous mesurera avec la mesure dont vous mesurez

Чун фишттин къуларилди алцанчин, гьегишттинттарилди чвасра алцанасе

ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам

Лука 8: 18 car on donnera à celui qui a

хъаяттис — хъара ппара есе

ибо, кто имеет, тому дано будет

Аналогичное соответствие наблюдаем и для французского пассива:

Лука 12: 7 Et même vos cheveux sont tous comptés

Чве кIилил але чIарара кехIей кIилди сан акьуная!

А у вас и волосы на голове все сочтены

Во всех приведенных примерах опущение субъектного имени в агульском предложении не влечет никаких дополнительных изменений в структуре фразы, что согласуется с общей тенденцией, наблюдаемой в языках эргативного строя, где простое предложение обычно обладает возможностью опущения субъектного имени, что было отмечено в типологических исследованиях: «... весьма показателен предпринятый Б. А. Успенским опыт более строгого определения эргативной конструкции предложения в транформационных терминах, впрочем, опять-таки апеллирующей к морфологическим характеристикам ее членов” [Климов 1973: 41]. Как полагал Б. А. Успенский, “эргативная конструкция может быть охарактеризована как такая, в которой при “сложении с общим V” V не меняется (не считая возможных изменений в согласовании), а N меняет падеж; тем самым она отличается от номинативной, где меняется V (и может меняться N)...” [Успенский 1963: 58].

Безобъектные предложения в агульском языке, в отличие от бессубъектных, имеют очевидный эллиптический характер, ср. [Магометов 1970: 200]:

3. peωari arNaj x˜unaja haraj. 4. ti, ’atᵊiwuna. γ'ixaj x˜etᵊ'i γ', t1ulla alaγilandi, hikaj x˜unaja.

3. Куры подняли шум. 4. Он, вынув, кладя (кур) в воду и палкой ударяя, гнал.

Как видно, при формальном отсутствии имени объекта в приведенном примере он достаточно легко восстанавливается, в отличие от примеров с опущенным субъектом, где субъект является неопределенным. В большинстве случаев опущение объекта в агульском не допускается, что подтверждается примерами, где безобъектным французским (и русским) конструкциям соответствуют агульские с эксплицитным объектом:

Лука 6: 4 jetez vos filets pour pêcher

гIихь чве чалар балугъар фацанас (… рыбу ловить)

закиньте сети свои для лова

Наличие во французском языке нескольких поверхностных структур с одной и той же семантической структурой (активный, пассивный и безличный обороты), которым в дагестанских языках отвечает только одна поверхностная структура, дает некоторым исследователям основание полагать, что «специфика эргативных языков состоит в том, что в них устойчиво сохраняется мотивированный способ выражения различных типовых ролей участников ситуации: для каждой роли имеется фиксированный типовой способ морфологического оформления, т.е. наблюдается значительное соответствие между "глубинными" и "поверхностными" падежами» [Кибрик 1976: 34].

С этим утверждением не согласуются факты варьирования синтаксических структур в целом ряде дагестанских языков. Что же касается агульского языка,

то здесь приведенное выше положение соблюдается более последовательно (исключение составляет трансформация эргатива в один из аблативов в конструкции с семантикой возможности).

2.2.2. Особенности согласования

Французский язык обладает слабо дифференцированной системой личного согласования с именем субъекта непереходного и переходного глаголов, противопоставляя некоторые формы лишь орфографически, ср. парадигму переходного глагола в настоящем времени:

je finis 'я заканчиваю'	nous finissons 'мы заканчиваем'
tu finis 'ты заканчиваешь'	vous finissez 'вы заканчиваете'
il finit 'он заканчивает'	ils finissent 'они заканчивают\

Несмотря на факты нейтрализации, личное согласование здесь демонстрирует последовательное проведение аккузативного (номинативного) принципа. В агульском языке система личного и классного (отмечаемая в других дагестанских языках) согласования отсутствует. Можно отметить лишь наличие числовых показателей в формах императива, ориентированных на субъект действия [Магометов 1970: 140]. В наших примерах числовые формы императива, как правило, не противопоставляются:

Лука 3: 4 **Préparez** le chemin du Seigneur

XIезур акье *Аллагьдис рекъ*

приготовьте путь Господу;

Лука 3: 8 **Produisez** donc des fruits dignes de la repentance

Иджвелин курарилди ***агваракье*** *чве гунагьар чун чве гардандиъ гъушунаеф!*

Сотворите же достойные плоды покаяния

Лука 6: 4 jetez vos filets pour pêcher

гIихь чве чалар балугъар фацанас

закиньте сети свои для лова

2.2.3. Способы выражения подлежащего

На основе изложенных выше материалов можно сделать вывод о том, что наиболее показательно противопоставление синтаксических структур простого предложения в агульском и французском языках в сфере падежного оформления именных членов предложения: французской номинативной конструкции (с аккузативом личного местоимения) в агульском языке соответствуют абсолютная конструкция непереходного предложения, эргативная конструкция переходного предложения и аффективная, или дативная конструкция с дательным падежом при так называемых аффективных глаголах.

Как отмечается в специальной литературе, «эргативная конструкция предложения в ее противопоставлении абсолютной (номинативной) очень отчетливо характеризует синтаксический строй северокавказских языковых групировок – абхазско-адыгской и нахско-дагестанской» [Структурные общности... 1978: 37].

Особым типом соответствия можно считать так называемую посессивную конструкцию агульского простого предложения с генитивом субъекта обладания:

Лука 7: 41 Un créancier avait deux débiteurs

Iу инсандик кехьуная са эссин бурдж (трансформировано: у двух человек был долг одному хозяину)

у одного заимодавца было два должника.

Лука 15: 11 Un homme avait deux fils

Са инсандихъ хъахьуная Iу кIиркI

у некоторого человека было два сына

Лука 98: 58 Les renards ont des terriers

Суларихъ мугар хъая

лисицы имеют норы

Как видно из примеров, если французский язык использует номинативную конструкцию с глаголом avoir 'иметь', то агульский дает в этом случае специальную посессивную конструкцию с пост-локативом субъекта.

В целом можно говорить о следующих соответствиях между простым предложением во французском языке и его коррелятами в агульском:

франц. агул.

1. Подл. $_{им.}$ + Сказ. = Подл. $_{им.}$ + Сказ.

Лука 10: 30 **Un homme descendait** de Jérusalem a Jéricho

Вей хьуная са инсан *Ерусалимдиас Эрихундиди*

некоторый **человек шел** из Иерусалима в Иерихон

Лука 16: 22 Le pauvre mourut

касиб инсан кIиная

Умер нищий

2. Подл. $_{им.}$+ Сказ. + Доп. $_{вин.}$ = Подл. $_{эрг.}$ + Доп. $_{им.}$+ Сказ.

Лука 18: 42 ta **foi** t'**a sauvé**

Ве ***хъугъувелди ухIуне*** *вун*

вера твоя **спасла** тебя

Лука 20: 9 Un homme planta une vigne

Узуная са инсанди тIибитIин багь

один человек насадил виноградник

3. Подл.$_{им.}$ + Сказ. + Доп. $_{вин.}$ = Подл. $_{дат.}$ + Доп. $_{им.}$ + Сказ.[17]

Лука 18: 41 “Que **veux-tu** que je fasse pour toi?”

Фи ккандея вас Закес?

чего **ты хочешь** от Меня?

Лука 19: 14 Mais les **gens** de son pays le **haïssaient**

Ге хIуькуматтиъ ая ***инсанарис, кканвей хьуна адава*** *ге*

Но **граждане ненавидели** его

З.К.Тарланов выделяет также конструкцию, в которой «субъект, выражаемый локативным падежом, сочетается лишь с глаголами x'as - *мочь,* его производными at^{ə}aruq’as -*мочь с* оттенком уверенности: Zafas x'ase lič wes - Я смогу туда пойти. Эта конструкция тоже может быть трансформирована в двусоставную, в которой роль подлежащего переходит к прямому дополнению исходного высказывания, а согласуемое сказуемое выражается причастием, ср.: Me lixun zafas at^{ə}aruq’ase - Эту работу я смогу сделать; Zafas x'ase me lixun aq’as - Эта работа мне под силу. Косвенный субъект в локативном падеже по своему содержанию существенно отличается от косвенного субъекта в дательном падеже тем, что с ним сочетается дополнительный признак активности».

Мы не включаем эту конструкцию в представленный выше список, поскольку она является производной, внося в семантику предложения

---

[17] Ср.: «Дательным падежом выражается косвенный субъект, сочетающийся, как уже упоминалось, с глаголами чувственного восприятия zas ħur aguni - *Я* увидел зайца; Zas un weja -*Я* слышу (Мне слышно), физического состояния (Zas mi□ildaj - Мне холодно; Zis kučiraj - Мне жарко); внутреннего состояния (Zas lamusdaj - Мне стыдно); мысли (Zas wun ħaja - *Я* тебя знаю). Субъект этот пассивен: действия или состояния, которые приписываются ему, представляются не как совершаемые им, а как соотносительные с ним, проявляющиеся помимо его воли, вернее - без усилий с его стороны» [Тарланов 1994: 205].

дополнительный оттенок возможности:

Лука 3: 8 **Dieu peut utiliser** les pierres que voici pour en faire des descendants d'Abraham!

Аллагьдифас *гьеме гьванарикес* ***акьас хьасе*** *Ибригьимас шиникквар*

Бог может из камней сих **воздвигнуть** детей Аврааму

Как видим, падежное оформление подлежащего обнаруживает существенные расхождения между французским и агульским языками. Что же касается выражения подлежащего различными частями речи, то оно в сравниваемых языках в основном однотипное:

а) Наиболее распространено выражение подлежащего существительным (во французском языке – в форме именительного падежа, дифференцируемого только у личных местоимений, в агульском языке – в форме именительного, эргативного, дательного и локативных падежей) (примеры см. выше).

б) широко употребительны в обоих языках в функции подлежащего и местоимения – личные, неопределенные, указательные, вопросительные и т.п., ср.

Лука 4: 30 Mais **il** passa au milieu d'eux et s'en alla

Iиса, *гIадишина гебуригIас, ушуная* («Иисус...»)

Но **Он**, пройдя посреди них, удалился

Лука 4: 34 Es-**tu** venu pour nous détruire?

Вун *чин пуч акьас адинаф эв?*

Ты пришел погубить нас

Лука 5: 37 Et **personne** ne verse du vin nouveau dans de vieilles outres

Сайира *агьартайдава цIае чехир цIуьре кIечIариди*

И **никто** не вливает молодого вина в мехи ветхие;

Лука 3: 7 **Qui** vous a enseigne a vouloir echapper au jugement divin, qui est proche?

Гьина *э чвас пеф чвафас Аллагьдин дивандиккес ккейчІвас хьасе пуна?*

кто внушил вам бежать от будущего гнева?

Лука 4: 28 **Tous**, dans la synagogue, furent remplis de colere en entendant ces mots.

Ге гафар унихьугуна, джалла дуьгІебур аркьа хулаъ аяттарис хъел адиная (…все бывшие в синагоге…)

Услышав это, **все** в синагоге исполнились ярости.

Судя по нашим материалам, лишь возвратные местоимения не могут выполнять роль подлежащего ни во французском, ни в агульском языке.

Необходимость функционирования личных местоимений в составе предложения агульского языка не в последнюю очередь обусловлена отсутствием в нем личного согласования и, соответственно, личных показателей в глаголе. Во французском наличие личных показателей может компенсировать, но лишь частично, отсутствие формального выраженного личного местоимения, поэтому его употребление можно считать практически обязательным.

Более того, французский язык обладает возможностью эмфатического употребления дополнительной местоименной формы (в косвенном падеже) :

Лука 11: 9 Et moi, je vous dis

Зун чвас агъая

И Я скажу вам

Лука 1: 76 Et toi, mon enfant, tu seras prophète

Вас, зе шиниккв, агъай ахьасе Аллагьдин пайгъамбар

И ты, младенец, наречешься пророком

Как видно из примеров, как в агульском, так и в русском языке таких возможностей не наблюдается.

Во французском, помимо отмеченных выше случаев, в роли подлежащего

употребляется обобщенное местоимение третьего лица, что отражается в русских переводах безличными и неопределенно-личными предложениями (примеры неопределенно-личных см. выше):

Il fait foudres 'сверкают молнии' и т.п.

Это же относится к случаям использования во французском языке обобщенно-личных предложений с формальным подлежащим второго лица:

Лука 5: 34 Pensez-**vous** pouvoir obliger les invités d'une noce a ne pas manger pendant que le marié est avec eux?

Фиштти э гIулар хъучикаф цIакинил сивар ухIас, наврузбег гебурихъай амедегьен гагьди?

можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?

Такое употребление не характерно для агульского языка.

в) в позиции подлежащего могут выступать также субстантивированные прилагательные, числительные и причастия.

Лука 6: 39 Un **aveugle** peut-il conduire un aveugle?

*Хьасев **сукъурафас** сукъур гъас?*

может ли **слепой** водить слепого?

Лука 6: 39 **ils** tomberont **tous les deux** dans un trou

***Iудара** къуйди архьастту **гебур**?*

не **оба** ли упадут в яму?

Лука 7: 10 Les **envoyés** retournirent dans la maison…

*Эскерарин хIекима **гьикунаттар** хулади адегуна…*

Посланные, возвратившись в дом, …

г) Количественные, порядковые и собирательные числительные, хотя и не так часто, также могут выполнять функции подлежащего в сравниваемых языках (более рапространены словосочетания с зависимым числительным).

Лука 9: 12 **les douze** s'approchirent donc et lui dirent

Вакилари, гьучадина, пуная Iисайис («апостолы...»)

И, приступив к Нему, **Двенадцать** говорили Ему

Специфику французского языка составляют предложения с так называемым "фиктивным" подлежащим, т.е. местоимением il, которым соответствуют в русском безличные предложения:

Лука 1: 3 il m'a semblé bon

Зунна кьастт акьуная («и я решил»)

то рассудилось и мне

Лука 5: 38 il faut des outres neuves!

ЦIае чехир агьатуна кканде цIае кIечIариди!

должно вливать в мехи новые

Особый случай составляют обороты типа il y a с семантикой местонахожения:

il y avait un prêtre nommé Zacharie

ахьуная тисаъ ешемиш вей Захария агъа са малла («был там живший...»)

был священник ..., именем Захария

Подобные конструкции не отмечены в агульском языке, однако следует в связи с этим указать на противопоставление здесь двух бытийных глаголов: е ‘быть, являться’ и а ‘быть, находиться’ с превербными призводными [Мерданова 2004: 69][18].

---

[18] З.К.Тарланов [1004: 209] дает следующую характеристику рассматриваемым единицам: «Поскольку вспомогательные глаголы *(а, е* и др) отличаются друг от друга семантически, то семантически различаются и сказуемые, в состав которых эти глаголы входят: глагол *а,* актуализируя общее значение бытия, наличия и сочетаясь как с именными, так и с глагольными формами, образует основной тип сказуемого с широким диапазоном синтаксических функций; слово *е* выступает как связка

2.2.4. Способы выражения сказуемого

В обоих сопоставляемых языках сказуемое представлено как глагольным типом, так и именным, причем первый тип сказуемого реализуется простой и составной разновидностями, второй – составной.

Глагол является, как известно, типичным способом выражения сказуемого, причем ему принадлежит ведущая роль в формировании структуры предложения, что неоднократно отмечалось в специальной литературе: «благодаря исследованиям И. И. Мещанинова под эргативным строем стало обычным понимать уже целую систему явлений синтаксического и морфологического уровней.

В основе этой системы, как с различной степенью убедительности показали исследования по общей теории эргативности и отдельным языкам эргативного строя, лежит противопоставление классов глагольных слов по признаку переходности / непереходности. Многочисленные работы, посвященные анализу сущности эргативной типологии (какой бы стороны рассматриваемого вопроса они ни касались – проблемы ли эргативной конструкции, эргативного падежа и т. п.), так или иначе связывают специфику эргативного строя с наличием обусловливающего эргативный строй языковой структуры в целом специфического распределения глагольной лексики по признаку переходности ~ непереходности» [Климов, Алексеев 1980: 172]. В данной работе был очерчен круг переходных и непереходных глаголов в дагестанских языках, в особенности в их отличии от языков номинативной типологии. Вместе с тем, в практической лексикографии дагестанских языков глагольный словарь обычно

именного сказуемого с указательно-подтвердительной функцией, функцией отождествления, констатации и т.д., ср.: Zun misa a - Я здесь; Gi aУ aja - Он говорит; Hege wec e - Это - вол; Hege insan /is haќ e - Тот человек мне знаком».

предстает как набор лексических единиц, не имеющих каких-либо иерархических взаимоотношений. До настоящего времени не создана более или менее исчерпывающая классификация глаголов, способная служить эффективным инструментом анализа глагольной семантики, хотя нельзя не отметить отдельных попыток, опирающихся на применение определенных формальных критериев, например, на материале лезгинского языка [см. Шейхов 1983].

Простое глагольное сказуемое во французском и агульском языках выражается глаголом в изъявительном, повелительном и некоторых других наклонениях, причем следует отметить наличие в обоих языках как синтетических, так и аналитических форм глагола-сказуемого. В агульском языке, по свидетельству С.Р. Мердановой [2004: 71], «ядро видо-временной системы индикатива составляют аналитические формы; некоторые из них, впрочем, в значительной степени морфологизовались и по статусу близки синтетическим (сохраняя достаточно прозрачную «составную» внутреннюю форму)». В свою очередь, во французском «Время и наклонение выражаются синтетически (простые времена) или аналитически (сложные времена). В устной речи используются четыре морфемы времени или наклонения: нуль [ø], [j], [r], [ərj]…. В сложных временах используются вспомогательные глаголы (отдельные морфемы): avoir и être» [Гак 1986: 194]. Таким образом, сопоставляемые языки обнаруживают значительную близость в способах

выражения простого глагольного сказуемого[19]. К основным наблюдаемым здесь расхождениям можно отнести использование во французском вспомогательного глагола «иметь», отсутствующего в агульском.

Формы аналитического образования мы относим к разряду простого глагольного сказуемого, что не всегда поддерживается исследователями дагестанских языков. Ср.: «Глагольные формы всех трех лиц, независимо от синтетического или аналитического характера их морфологической, структуры, являются словоформами одного и того же слова, входящими в один парадигматический ряд противопоставлений по признакам лица, класса, числа и времени. Это, однако, не значит, что аналитические формы 3-го лица, скажем, *лявкьули сай* 'идет' (I кл.), являются такими же выразителями простого сказуемого, какими являются синтетические формы 1-го и 2-го лица *лявкьулра* 'иду' (I кл) и *лявкьулри* 'идешь' (I кл.).

Сочетание двух слов подобного рода *(лявкьули сай)* — одного основного и другого вспомогательного — нельзя квалифицировать ,как реализацию

[19] Сходство в построении форм глагола-сказуемого английского и некоторых дагестанских языков (аварского, даргинского и лакского), в т.ч. в принципах образования аналитических форм, отмечал З. С. Гунаев: «Сходство значений соответствующих форм заключается в том, что они устанавливают одновременность какого-нибудь конкретного действия с каким-либо моментом в настоящем, прошедшем и будущем, т.е. длительность действия в определенный момент времени. Сходство же внешнего оформления сопоставляемых форм проявляется в том, что соответствующие времена как английского, так и дагестанских глаголов образуются аналитически по единой структурной схеме, состоящей из вспомогательного глагола со значением "быть" в соответствующем времени и смыслового глагола в форме причастия или деепричастия» [Гунаев 1960: 61].

простого сказуемого, так как это означало бы злоупотребление семантикой, внутренним содержанием языкового явления в ущерб внешнеграмматической стороне, в ущерб форме выражения этого содержания» [Абдуллаев 1971: 145].

Такая позиция, на наш взгляд, лишает синтаксис своей специфики, с одной стороны, и стирает грань между различными видами глагольного сказуемого, с другой.

К формам составного глагольного сказуемого также в сравниваемых языках мы относим:

1. Сочетания с инфинитивом фазовых глаголов, маркирующих начало и конец действия и т.п.:

Лука 4: 21 Alors il se mit a leur dire

Іисайи пуная (в этом и в других примерах семантика начала действия в агульских переводах эксплицитно не выражена)

И Он начал говорить им

Лука 23: 23 Mais ils continuaient a réclamer a grands cris

Гебури вевер аркьай, агьай хьуная (семантика продолжения действия эксплицитно не выражена)

Но они продолжали с великим криком требовать.

2. Сочетания с инфинитивом глаголов, имеющих модальное значение, в т.ч. возможности, способности, желания, стремления, процесса мысли и т.п., ср.

Лука 9: 9 Et il cherchait a voir Jésus.

Иродас агвас кканди ахьуная Іиса

искал увидеть Его

Лука 16: 2 car tu ne pourras plus être mon gérant

сара вун хІавел акьасттава

ибо ты не можешь более управлять

Лука 13: 31 Hérode veut te faire mourir

Иродас Вун кIес ккандея

Ирод хочет убить Тебя

Лука 2: 49 je dois être dans la maison de mon Pиre

Зун Зе Дадан хулаъ ахьуна ккaнеф?

Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему

Глаголы желания и долженствования в агульском идентичны. Но образуют различные конструкции: в первом случае датив субъекта сочетается с инфингитивом смыслового глагола, во втором – исходный падеж субъекта смыслового глагола сочетается с деепричастием смыслового глагола.

Некоторые вспомогательные глаголы во французском языке требуют инфинитива смыслового глагола с предлогом de:

Лука 23: 24 Pilate décida de leur accorder ce qu'ils demandaient

Пилата гебурис ккандегъилди акьуна

И Пилат решил быть по прошению их

В сопоставляемых языках широко распространены и различные виды составного именного сказуемого, состоящего из связки и именной части, которая может быть выражена:

а) именем существительным:

Лука 4: 41 Tu es le Fils de Dieu!

Вун - Аллагьдин КIиркI э!

Ты Христос, Сын Божий

В агульском языке имеются также сложные глаголы, которые образуются сочетанием имени в форме именительного падежа и служебного глагола «делать», например: *фикир акьас* ‘думать’, *маслихIат акьас* ‘советоваться’, *магIни акьас* ‘петь’, *субут акьас* ‘доказать’, *тавакъу акьас* ‘просить’, *футна акьас* ‘клеветать’, *хатир акьас* ‘уважать’, *хийал акьас* ‘думать’, *кумак акьас* ‘помочь’, *къадагъа акьас* ‘запретить’, *хIакь акьас* ‘оправдывать’, *хIулмат акьас*

‘уважать’, *шак акьас* ‘подозревать’ и т. д.

б) именем прилагательным:

Лука 1: 6 Ils **étaient** tous deux **justes** aux yeux de Dieu

Iудара Аллагьдин ***юлайиъ ая инсанар*** *хьуная гебур;*

Оба они **были праведны** пред Богом;

Лука 1: 18 Car je suis vieux

Зун гьал Iуьссеф э

ибо я стар

Как уже отмечалось, в предикативной позиции агульское прилагательное приобретает суффикс числа.

К сложным сказуемым данного типа в агульском языке можно отнести сочетания прилагательного с глаголом «быть» или «делать», противопоставленные по признаку переходности: *шад акьас* ‘обрадовать’ - *шад хьас* ‘обрадоваться’, *сакин акьас* ‘успокоить’ - *сакин хьас* ‘успокоиться’, *сагъ акьас* ‘лечить’ - *сагъ хьас* ‘излечиться’, *рази акьас* ‘удовлетворить’ - *рази хьас* ‘удовлетвориться’ и т. д.

в) местоимением, причастием, наречием и т.п.:

Лука 1: 18 Il n'est pas ici

Ле мисаъ андава

2.2.5. Порядок слов

З.К.Тарланов [1994: 209] так характеризует роль порядка слов и инверсии в агульском языке: «…инверсия перестраивает дальнейшую перспективу повествования, чаще всего прерывая плавность ее течения, ср.: Tebur xabarsuzdi adini - Они неожиданно пришли; Adini tebur xabarsuzdi - Пришли они неожиданно. Первое высказывание типично для неторопливого, ровного повествования, в то время как второе сигнализирует поворот в течении речи или

изменение в ее ритме, переход к иной манере рассказывания и т.д. Инверсивный порядок предупреждает слушателя о том, что дальше последует нечто неожиданное, причем такая функциональная нагрузка наиболее характерна для сказуемых, выраженных формами прошедшего времени с имперфективным значением. Как правило, подобные конструкции широко используются в сказочном повествовании, а также в устных рассказах. Сказуемое, вынесенное вперед, способствует перестройке не только семантической структуры предложения, но и формальной: в таких случаях возникает тенденция к контактному размещению главных членов, ср.: iin dera' uj - Мы были в лесу»

Как известно, для абсолютной конструкции непереходного предложения языков эргативной типологии характерна схема словопорядка "Субъект – (Косвенный объект) – Интранзитивный глагол", а для эргативной конструкции (равно как и аффективной) переходного предложения – "Субъект – Прямой объект – Транзитивный глагол" (S – O – V) [Климов 1973: 94]. В агульском языке, как и в других дагестанских языках, стандартным также является словопорядок SOV (об этом на материале агульского языка см. [Тарланов 1994: 163-164]. В этом аспекте представляет интерес анализ переводных текстов с целью выяснения степени влияния языка оригинала на переводной текст. Так, с учетом сформулированной выше закономерности ожидались бы случаи несовпадения порядка слов в переходном предложении в агульском языке и во французском, равно как и в русском, имеющем стандартный порядок SVO, что соответствует общим правилам построения высказывания в этих языках. Ср., в частности:

Лука 7: 5 Il aime notre peuple SVO

Тис хье халкь кканве SOV

он любит народ наш SVO

Местоименный объект во французском перемещается в препозицию:

Лука 7: 13 Le Seigneur la vit

Ге баб агугуна, ... Iисайи (препозиция деепричастного оборота)

Увидев ее, Господь...

Между тем, налицо достаточно последовательное сохранение в агульском тексте русского порядка слов, ср.:

Лука 3: 16 Moi, je vous baptise avec de l'eau

Зун мертт аркьая чун хьеттидди

Я крещу вас водою;

Лука 1:13 Élisabeth, ta femme, te donnera un fils

Хьира ве Элизаветтайи хасе вас кIиркI

жена твоя Елисавета родит тебе сына

Инверсии в агульском тексте имеют место и независимо от порядка слов в русском переводе:

Инджил 4: 38 Jésus[2] ... se rendit[1] a la maison de Simon

ушуная[1] Iиса[2] Симонан хулади

– Он[2] вошел[1] в дом Симона

Надо сказать, что подобное строение фразы характерно и для оригинальных агульских текстов, о чем свидетельствуют, в частности, материалы А. А. Магометова [1970]. Это означает, что переводчики в целом следовали тенденциям построения агульского нарративного текста. В то же время в условиях еще не сформировавшихся норм агульского литературного языка использование такого стилистического приема как инверсия может привести к затруднениям в понимании текста.

2.2.6. Рефлексивизация

Среди диагностических с точки зрения определения подлежащего трансформаций рассматривается и рефлексивизация, т.е. замещение на

возвратное местоимение одной из тождественных лексем в составе одного и того же предложения. Наши примеры показывают, что французское возвратное местоимение se, аналогично русскому, замещает лексему, тождественную подлежащему:

Лука 16:15 **Vous** êtes des gens qui **se** font passer pour justes aux yeux des hommes

Инсанарин удигь ***чвас чун*** *Аллагьдин рекъуьъ аяттар суман агвар акьас ккандея*

вы выказываете **себя** праведниками пред людьми

Лука 12: 25 **Qui** d'entre vous parvient a prolonger un peu la durée de **sa** vie?

Гьинафас *чвакес хьасе, гъамар акьунегъай,* ***учин*** *Iуьмурдихъди са сеIет хьунара хъучихьас?*

Да и **кто** из вас, заботясь, может прибавить **себе** роста хотя на один локоть?

Аналогичные условия данной трансформации, судя по переводам, мы наблюдаем и в агульском.

Несколько иное наблюдение было сделано А. Е. Кибриком, демонстрирующим нейтральный характер данной трансформации, выражающийся, в частности, в том, что “контролер посессивного рефлексива не ограничен реляционными характеристиками: существенно, чтобы он был левее рефлексива» [Кибрик 1979: 42]. В то же время «актантную рефлексивизацию контролирует Агенс, а ели его нет, то Экспериенцер или Пациенс» [там же].

В связи с вопросом о подлежащем в агульском языке следует отметить также возможность рассмотрения в том же плане правил опущения тождественного субъекта в инфинитивной конструкции, о чем на материале аварского языка пишет М. Е. Алексеев: «В сложноподчиненном предложении действует правило опущения тождественного подлежащего в придаточном, ср. авар. *дие бокъун буго мун вачине* ‘я хочу тебя привести" (< *дие бокьун буго дица*

мун вачине), где опускается тождественное подлежащее придаточного *диця* "я", но *дие бокьун буго дуца дун вачине* "я хочу, чтобы ты меня привел", где подобного опущения не происходит в силу того, что тождественная лексема в придаточном занимает позицию прямого дополнения (*дун* "я")» [Климов, Алексеев 1980: 207].

По нашим наблюдениям, приведенное выше утверждение оказывается справедливым к французскому материалу. Ср.:

Лука 9: 57 Seigneur, veux-tu que nous commandions au feu de descendre du ciel («хочешь, чтобы мы…)

кканчин заварин цIа йирхIуна ккедихь агъав чин («если хочешь…)

хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба

Лука 10: 22 a qui le Fils veut bien le révéler

са КIиркIасна КIиркIа гIаттиваттарис дала

кому Сын хочет открыть

Лука 13: 31 Hérode veut te faire mourir

Иродас Вун кIес ккандея

Ирод хочет убить Тебя

Как видим, в последнем предложении опущено субъектное имя инфинитивного оборота.

2.2.7. Каузативные (понудительные) конструкции

Каузативные (понудительные) конструкции также могут быть релевантными с точки зрения соответствующей квалификации именных членов предложения.

В сравниваемых языках, по нашим наблюдениям, имеются и относительно регулярные морфологические и синтаксические способы выражения каузативной семантики. С точки зрения способа выражения объекта

каузативации французский язык трактует его как прямое дополнение при глаголе faire 'делать', ср.:

Лука 1: 69 Il a **fait apparaître** un puissant Sauveur («сделал появиться»)

Ли гьикуне ... Кьудратлу хьин УхIаф

И воздвиг рог спасения

Лука 5:14 Mais va te **faire examiner** par le prêtre («пойди...»)

Ушуна маллайилди, хъуттурфанас акье вахъ

а пойти показаться священнику

Лука 5:18 ils cherchaient à **le** faire entrer dans la maison

гебури ***иттаф****, ахунил алди, хулан яIаниъ атуная*

И старались внести **его** в дом

В агульском, как и в других дагестанских языках, налицо несколько иная ситуация. Каузативы, образованные от непереходных глаголов, сохраняют именительный падеж объекта при каузативации. Образованные от переходных глаголов каузативы помещают объект каузации в позицию косвенного объекта (датив экспериенсера также сохраняется), маркируя его одним из локативов, см. примеры С.Р.Мердановой [2004: 169-170]:

(84) а. shynyK Rarx.u-ne.
ребенок(Nom) ложиться.Pf-Pft

Ребенок лег.

б. baw.a shynyK Rarx.a-s q'.u-ne.
мать:Erg ребенок(Nom) ложиться.Ipf-Inf делать.Pf-Pft

Мать **уложила** ребенка [или: заставила лечь].

(85) а. dad.a-s wuri un x.u-ne.
отец-Dat всё(Nom) звук стать.Pf-Pft

Отец всё услышал.

б. baw.a dad.a-s wuri un **x.a-s** **q’.u-ne**.

мать:Erg отец-Dat всё(Nom)звук **стать.Ipf-Inf** **делать.Pf-Pft**

*Мать **сделала так, чтобы** отец все **услышал**.*

(86) а. gada.ji shurpa <ut’.u-ne.

мальчик:Erg суп(Nom) есть.Pf-Pft

Мальчик поел суп.

б. baw.a gada.ji-w shurpa **<ut’.a-s** **q’.u-ne**.

мать:Erg мальчик-Apud суп(Nom) **есть.Ipf-Inf**

делать.Pf-Pft

*Мать **заставила** мальчика **поесть** суп (например, пригрозила чем-нибудь).*

Это означает, что каузативная трансформация в агульском сближает субъект непереходного предложения с объектом переходного, противопоставляя им субъект переходного предложения.

2.2.8. Сочинительные конструкции

В функционировании сочинительных конструкций в сравниваемых языках обнаруживаются определенные черты сходства. Так, при сочинении простых предложений здесь опущению подвергается тождественный субъект второго предложения, независимо от переходности-непереходности. Ср.:

Лука 18: 43 A l'instant **il** recouvra la vue et suivit Jésus

*Гьеге сеIетти алгьадиная **сукъуран** Iекв. **Ге** ушуная Iисайихъай*

он тотчас прозрел и пошел за Ним

Лука 19: 6 **Zachée** se dépêcha de descendre et le reçut avec joie

*ТегIди алайчIуна, шатти къабул акьуная **ги** Iиса* (деепричастный оборот)

И **он** поспешно сошел и принял Его с радостью

В то же время недопустимо опущение объекта при втором сказуемом, ср.:

Лука 18: 32 On **le** livrera aux païens, qui se moqueront **de lui**, **l'**insulteront et cracheront **sur lui**

Инсандин КIиркI *гавурарин гъилиъ ихьасе,* ***Гик*** *келхъенди ахьасе,* ***Ге*** *уджуз аркьай ахьасе,* ***Гил*** *туьтуь алчихьай ахьасе*

Ибо предадут **Его** язычникам, и поругаются **над Ним** и оскорбят **Его**, и оплюют **Его**

Лука 18: 33 Ils **le** frapperont à coups de fouet et **le** mettront à mort. Et le troisième jour **il** se relèvera de la mort.

ахира, зулумдадди ЙирхIуна, ***Ге*** *кIесе. Амма хьибудпе ягъас* ***Гик*** *джан керхьасе*

И будут бить, и убьют Его , и в третий день воскреснет.

Таким образом, рассмотренные выше черты сходства и различия агульского и французского простого предложения свидетельствуют о неоднозначности показаний в пользу признания подлежащим субъектного или объектного имени. В то же время исходя из некоторых принципов сопоставительной лингвистики и типологии в целом признание подлежащим субъектного имени имеет, на наш взгляд, больше оснований.

2.2.9. Особенности выражения второстепенных членов предложения

В число второстепенных членов предложения входят определение (подробная хаарктеристика различных видов определения в сравниваемых языках, была представлена в первой главе при характеристике определительных словосочетаний), прямое и косвенное дополнение, а также различные виды обстоятельств. В данном разделе будут рассмотрены только дополнения и обстоятельства, не получившие освещения выше.

2.2.9.1. Дополнение

В дагестанской лингвистике обычно отмечается особая роль в предложении прямого дополнения, поскольку в отличие от остальных второстепенных членов, оно непосредственно влияет на форму глагола-сказуемого, которое в большинстве дагестанских языков согласуется с ним в классе, числе и в меньшей степени в лице, чего, впрочем, мы не имеем в агульском, утратившем категорию класса. По поводу агульского дополнения у З.К.Тарланова [1994: 211] находим следующее: «*Дополнения* могут быть прямыми и косвенными. Прямое дополнение стоит в именительном падеже при переходном глаголе. *Косвенное дополнение* выражается формами косвенных падежей: čin čwas bagah üker ucase - Мы завтра вам сена накосим. Общая схема расположения членов предложения в повествовательной речи такова, что дополнение, как правило, непосредственно соседствует со сказуемым. При наличии в предложении двух дополнений они могут располагаться по-разному относительно сказуемого в зависимости от коммуникативных задач высказывания. Однако чаще встречается ситуация, когда оба дополнения либо предшествуют сказуемому, либо окружают его слева и справа».

В обоих сопоставляемых языках проявляется оппозиция прямого и косвенного дополнений, отражаемая в падежном (в агульском) или же предложно-беспредложном (во французском) оформлении этих членов предложения. Как известно, имя объекта, квалифицируемое традиционно в качестве прямого дополнения, в дагестанских языках оформляется именительным падежом, т.е. в переходных предложениях именительный падеж агульского языка соответствует винительному падежу личных местоимений французского языка:

Лука 19: 8 je vais donner **la moitié de mes biens** aux pauvres

зе девлетин са пай *зун касибарис есе*

половину имения моего я отдам нищим

Косвенное дополнение в данном примере со значением адресата оформляется дативом. В агульском языке это не единственный способ обозначения адресата. Ср. пример с косвенным дополнением, оформленным суперлативом:

Лука 4: 17 et on **lui** remit le rouleau du livre du prophète Ésaïe

Гилди *йиная пайгъамбар Ишаяйин китаб*

Ему подали книгу пророка Исаии.

Различие в падежном оформлении выражает противопоставление постоянного (датив) и временного (суперлатив) обладания.

Во французском языке имеется косвенное дополнение с субъектной ролью, функционирующее в пассивных конструкциях:

Лука 4: 1 Jésus, … fut conduit **par l'Esprit** dans le désert

РуьхIди файдиная Ге къумариди

Иисус … поведен был **духом** в пустыню

В агульском в подобных случаях имеем стандартную эргативную конструкцию с эргативом субъекта. Другие разновидности косвенного дополнения, оформляемые предлогом par, имеют соответствием различные косвенные падежи:

Лука 1: 29 Marie fut très troublée **par ces mots**

Майрам муьхIтал хьуная ге ***чIаларил***

Она же, увидев его, смутилась **от слов его**

Лука 1: 62 Alors, ils demandèrent **par gestes** au père

Ишаратарилди *хабар гъушуная шиниккведин дадафас*

И спрашивали **знаками** у отца его

2.2.9.2. Обстоятельство

В сопоставительной лингвистике способы выражения обстоятельства в языках различных структур исследованы довольно поверхностно. Об агульских обстоятельствах З.К.Тарланов [1994: 211] пишет, например, следующее: «*Обстоятельства* выражаются наречиями, также падежными формами имен с обстоятельственными значениями. В повествовательном предложении обычно они стоят перед сказуемым. При наличии дополнения обстоятельство предшествует ему. Но оно может также занимать начальную и конечную позиции предложения, при этом и остальные члены перестраиваются соответствующим образом. Постараемся восполнить этот пробел, не претендуя на исчерпывающий характер нашего описания.

2.2.9.2.1. Обстоятельство образа действия

К основным способам выражения обстоятельства образа действия в сопоставляемых языках относятся:

а) деепричастные обороты (в агульском языке; во французском им, как правило, соответствуют однородные сказуемые):

Лука 4: 17 Il le déroula et trouva le passage où il est écrit (однородные сказуемые; раскрыл и нашел…)

Дахъуна китаб, *джикIиная Iисайи ме гафар ликIина мукь*

Он, **раскрыв книгу,** нашел место, где было написано

Лука 4: 30 Mais il passa au milieu d'eux et s'en alla (однородные сказуемые; прошел и ушел…)

Iиса, ***гIадишина гебуригIас,*** *ушуная*

Он, **пройдя посреди них**, удалился

Лука 4: 40 Il posa les mains sur chacun d'eux et les guìrit (однородные сказуемые; возлагал и исцелял…)

Гьерттил алихьай гъилар, *сагъ аркьай хьуная гебур Iисайи.*

Он, **возлагая на каждого из них руки**, исцелял их

Во французском языке, помимо однородных сказуемых, агульскому деепричастию в данной функции может соответствовать причастный оборот с предлогом en:

Лука 4: 41 Des esprits mauvais sortirent aussi de beaucoup de malades **en criant**

АцIунаттариас шейтIанар айчIвай хьуная ***гьараяр аркьай***

Выходили также и бесы из многих **с криком**

б) наречие:

Лука 10: 17 envoyés revinrent **pleins de joie** et dirent (причастный оборот: полные радости)

ЯрцIурна Iу ученик ***шатти*** *адина Iисайилди пуная* («радостно»)

Семьдесят учеников возвратились **с радостью** и говорили.

Лука 20: 39 Maître, tu as **bien** parlé.

МегIелим, идже джуваб йине Вун гебурис (трансформировано: «хороший ответ дал»)

Учитель! Ты **хорошо** сказал

Лука 10: 28 Fais **cela** et tu vivras

Гьелиштти *аркьай акье, вун ешемиш хьасе*

так поступай, и будешь жить.

в) падежно-послеложные и предложные формы:

En réalitй, c'est **avec la puissance de Dieu** que je chasse les esprits mauvais

Зун ***Аллагьдин кьуватилди*** *э шейтIанар адикаф*

Если же Я **перстом Божиим** изгоняю бесов…

Judas, c'est **par un baiser** que tu livres le Fils de l'homme!

Ягьуда, ***мачра икIуна*** *масса ирцIандеяв вун Инсандин КIиркI?*

(деепричастный оборот)

Иуда! **целованием** ли предаешь Сына Человеческого?

Лука 15: 30 quand ton fils que voila est arrivé, celui qui a dévoré ton bien **avec des prostituées**

Ппай ве ме кIиркI адегуна, вун йина пайра ***кефунилди*** *харджж акьуна* (перефразировано)

расточивший имение своё **с блудницами**

г) сравнительные обороты, вводимые союзом «как» (франц. comme):

Si vous aviez de la foi comme un grain de moutarde

Нагагь чвахъ са бицIи удун дехIера хъугъувел хъаячин

если бы вы имели веру с зерно горчичное

Рассмотренные выше средства могут вступать в межъязыковые соответствия. Кроме того, возможны трансформации всей структуры предложения с изменением функций соответствующих частей предложения:

Tu **aurais alors la honte** d'aller occuper la derniére place

Тегуна вас ***неч хьуна****, ке ахиран мукьуйилди вес алчархьасе*

и тогда **со стыдом** должен будешь занять последнее место

В данном примере агульскому деепричастному обороту и русскому предложному сочетанию во французском соответствует предикативная конструкция, в то время как остальная часть предложения заняла место второстепенного члена (букв. «ты будешь иметь стыд пойти занять последнее место»). В нижеследующем примере уже в агульском французскому предложному сочетанию соответствует предикативное сочетание с прямым дополнением (букв. «земные богатства потратьте, чтобы…»):

Лука 16: 9 Faites-vous des amis **avec les richesses injustes**

чве ***джилин девлетар харджж акье*** *инсанарис кумакисра, дусттари хьасра*

приобретайте себе друзей **богатством неправедным**

2.2.9.2.2. Обстоятельство меры и степени

Среди способов оформления данного типа обстоятельства, который можно считать разновидностью предыдущего, выделяются следующие:

а) наречие[20]:

Лука 18: 23 car il était **fort** riche

ге девлетлу инсан хьуная (опущено)

потому что был **очень** богат;

б) беспредложные и предложно-падежные сочетания:

Лука 17: 4 Et s'il péche contre toi **sept fois** dans un jour, et que **sept fois** il revienne a toi

Нагагь са ягъан арайиъ, чвас ги ***еригелай*** *гунагьин курар акьучира, хаб гьил гъушен агъай* ***еригелай*** *чваалди адичира* (наречие: «семикратно»)

если **семь раз** в день согрешит против тебя и **семь раз** в день обратится

Ne vend-on pas cinq moineaux **pour deux sous?**

Iу кепекигьас *ду гIифу джакьв масса ирцIанф?*

Не пять ли малых птиц продаются **за два ассария?**

2.2.9.2.3. Обстоятельство причины

Как и другие виды обстоятельств, обстоятельство причины может передаваться с помощью специальных наречий[21]:

---

[20] Ср.: «Эти наречия немногочисленны. К ним относятся непроизводные и производные слова, обозначающие меру проявления действия-состояния, его количественную характеристику: para - много, acuna - много, 'ezamatin - несколько, много, 'elam - безмерно много, sa kadar - некоторое количество, baha - дорого, užžuz – дешево» [Тарланов 1994: 186].

[21] З.К.Тарланов [1994: 189] объединяет наречия причины и цели в единую

Лука 1: 35 **C'est pourquoi**, le saint (enfant) qui naîtra sera appelé Fils de Dieu

дехIела, *вас хуру гирами шиникквдис, Аллагьдин КIиркI агъай ахьасе*

посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим

Во французском также употребительным средством выражения обстоятельства причины является конструкция с предлогом pour "из-за, благодаря. за", чему в агульском может соответствовать постаблатив:

Лука 19: 37 tous les disciples, en foule, saisis de joie, se mirent a louer Dieu a haute voix **pour tous les miracles** qu'ils avaient vus.

джалла Гин ученикари шатти гьавайикес шукур аркьай хьуная Аллагьдис, кIилди чиппис агу ***Iеламатарихъас***

множество учеников начало в радости велегласно славить Бога **за все чудеса**

Лука 23: 19 Ce dernier avait été mis en prison **pour une émeute qui avait eu lieu dans la ville, et pour un meurtre**

Варава агъаф, ***шагьурдиъ къалабулугъ акьуна фушчин кIина,*** *ачикунаф хьуная дусттагъиъ* (деепричастный оборот)

Варавва был посажен в темницу **за произведенное в городе возмущение и убийство.**

Как видим, деепричастные обороты также могут использоваться в данной функции в агульском языке. Ср. также:

Лука 2: 45 mais **sans le trouver**. Ils retournèrent donc a Jérusalem (инфинитив

группу: «Для выражения причины и цели действия используются наречия fas? - почему?, fik1as? - зачем? с какой целью?, fibalaldi - зачем?, mišttimiri - просто так, k1asustti - намеренно, xelaas - назло. Все эти наречия прежде всего реализуют причинное значение, выражение цели выступает как значение, сопутствующее для них»..

с предлогом «без»)

***ДаджикIина**, хаб адиная мебур Ерусалимдиди*

и, **не найдя Его**, возвратились в Иерусалим

2.2.9.2.4. Обстоятельство цели

Наиболее распространено в обоих сопоставляемых языках употребление в этой функции инфинитива:

Лука 1: 59 Le huitiéme jour, ils vinrent **circoncire** le petit enfant

*Муядпе ягъа адиная гебур шиниккведин **суннат акьас***

В восьмой день пришли **обрезать** младенца

Лука 2: 22 on l'amena a Jérusalem **pour le présenter** au Seigneur

*файдиная Шиниккв Ерусалимдиди Аллагьдис **бахш акьас***

принесли Его в Иерусалим, **чтобы представить** пред Господа

Как видно из последнего примера, во французском форма инфинитива может сочетаться с предлогом pour.

К нестандартным способам выражения данного значения является деепричастный оборот:

Лука 2: 45 et retournèrent a Jérusalem en le cherchant

хаб адиная мебур Ерусалимдиди Гихъас руцас (инфинитив)

возвратились в Иерусалим, **ища Его.**

2.2.9.2.5. Обстоятельство места

В сопоставляемых языках обстоятельства места имеют в основном две структурные разновидности:

1. Предложные конструкции во французском и падежные конструкции в агульском:

Лука 3: 9 Déja même la cognée est mise **a la racine** des arbres

ЯкIв хъихьуная кIурарин ***мерIерихъ***

Уже и секира **при корне** дерев лежит

Лука 4: 9 Le diable le conduisit encore **a Jérusalem**

Хаб Иблиса файдина Iиса ***Ерусалимдиди***

И повел Его **в Иерусалим**

Лука 4: 13 Après avoir achevé de le tenter, le diable s'éloigna **de lui** jusqu'a une autre occasion

Сара фи пуна тIулаас адихьаичира дагIай, са вахттуністтегьен сакинди ***атуная*** *Иблиса* ***Iиса*** (трансформировано в дополнение: «оставил Иисуса»)

И, окончив всё искушение, диавол отошел **от Него** до времени

Синонимичность объектных и обстоятельственных конструкций нередко вызывает неопределенности в их квалификации. Так, на трудности в демаркации обстоятельств и дополнений, выраженных местными падежами, указывают многие дагестановеды. Ср.: "Многие падежные формы, особенно формы пространственных падежей, выступающие признаками дополнения, являются также характеристиками обстоятельств. Поэтому в ряде случаев трудно разграничить обстоятельственное значение той или иной именной формы от значения дополнения" [Абдуллаев 1971: 194].

2. Пространственные наречия

В исследовании З.К.Тарланова [1994: 186-188] пространственные наречия агульского языка подразделяются на (а) наречия места и (б) наречия направления». Среди последних автор перечисляет mič - сюда, tič - туда, lič - туда наверх, gič, т.е. обходит, таким образом, стороной наречия с семантикой удаления.

По нашим материалам, можно говорить о следующих функциональных группах пространственных наречий в сравниваемых языках:

(а) наречия, выражающие местонахождение или его изменение по

отношению к субъекту действия:

Лука 9: 6 ... et opéraient **partout** des guérisons

джалла усари *итта инсанара сагъ аркьай*

… и исцеляя **повсюду;**

(б) наречия, выражающие местонахождение по отношению к субъекту речи и т.п. (местоименные, дейктические наречия):

Лука 9: 12 nous sommes **ici** dans un endroit isolé

хьин ***мисагъ*** *инсан адава мукьуйи э аяф*

мы **здесь** в пустом месте;

Лука 16: 26 et qu'on ne parvienne pas non plus **de la** vers nous

Лисаас *чаалди адесра сайифасра хьасттава*

и **оттуда** к нам не переходят

Как видно из последнего примера, во французском языке наречия для передачи значения направления сочетаются с предлогами, что в агульском передается формантами пространственных падежей.

(в) наречия, выражающие местонахождение по отношению к пространственному ориентиру:

Лука 1: 10 Toute la multitude du peuple était **dehors** en prière a l'heure du parfum

кIилди халкь гъузуна ахьуная ***хIеятигъ*** *дуьгIебур аркьай* (букв. «во дворе»)

а всё множество народа молилось **вне** во время каждения;

(г) вопросительные наречия:

Лука 8: 25 **Où** est votre confiance?

Нахьи *чве хъугъувел?*

где вера ваша?

В целом следует отметить, что, во-первых, строгие правила размещения обстоятельства места в пре-, пост- или иной позиции отсутствуют в обоих

сопоставляемых языках и, во-вторых, одновременно в предложение могут входить два или более обстоятельств, не являющихся однородными членами или приложением. Ср.:

Лука 2: 4 Joseph aussi monta de la Galilée, de la ville de Nazareth, pour se rendre en Judée dans la ville de David appelée Bethléhem

Юсуфра ушуная Галилея дерейин Назарет агьа хIуриас Ягьудеяйиди, Вифлеем агьа Давудан хIуриди

Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем.

2.2.9.2.6. Обстоятельство времени

В сопоставляемых языках рассматриваемый вид обстоятельства выражается:

а) с помощью наречий:

Лука 2: 29 **Maintenant**, Maître, tu laisses ton serviteur

***Гьал** Вун фартая юркIв сакинди Ве лукI, Аллагь ТегIела*

ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко!

З.К.Тарланов [1994: 189], отмечая многочисленность наречий времени, приводит следующие агульские лексемы: hal (hel, hil) - теперь, ahal (hahal, hehel) - сейчас, haldis (hildis) - до сих пор, haldixas xab, haldin xab - отныне, с этих пор; daxe (dexe) - рано, давно; q'andi - поздно; waxttuni (waxtt waxttuni) - вовремя; jaħa - сегодня; bagah - завтра; sajiγ a - послезавтра; nak - вчера; hari-γa(n) - ежедневно; daim (daiman) - постоянно, беспрерывно; xawdi (xabdi) - после, потом; xani (xpaj) - потом, после; xaw-di(suman) - позже; sa-sa gelan (gelaj) - иногда; cac - в прошлом году; jaγdi - в течение дня.

б) с помощью предложных и падежно-послеложных словосочетаний:

Лука 4: 2 Il y fut tenté par le diable **pendant quarante jours**

*Къумариъ, **ягъцIур ягъди** Iисайихъ Иблис хъуруцай хьуная*

Там **сорок дней** Он был искушаем от диавола

Лука 4: 29 il y avait beaucoup de veuves en Israïl **a l'йpoque d'Élie**

*Iизраилдиъ ппара ашкIинар ахьуная пайгъамбар **Илйайин вахттуни***

много вдов было в Израиле **во дни Илии**

Для французского характерно и беспредложное употребление имен в роли обстоятельства времени:

Лука 2: 41 **Chaque année**, les parents de Jésus allaient a Jérusalem

***Гьер иса** Iисайин дадар-бабар вей хьуная Ерусалимдиди*

каждый год родители Его ходили в Иерусалим.

Во французском языке нередки инфинитивно-предложные конструкции:

Лука 2: 17 **Après l'avoir vu**, ils racontèrent.

***Шиниккв агуф,** хIуьппехъенари ахъакьуная*

Увидев же, рассказали

Лука 4: 13 **Après avoir** achevé de le tenter, le diable s'éloigna de lui jusqu'à une autre occasion

*Сара фи пуна тIулаас адихьаичира **дагIай,** са вахттуністтегьен сакинди атуная Иблиса Iиса*

И **окончив** всё искушение диавол отошёл от него до времени.

Как видим, агульский язык в подобных случаях использует причастно-деепричастные формы.

Как и в случае обстоятельств места, возможно одновременное употребление двух обстоятельств времени в рамках одного предложения.

В целом в обоих сравниваемых языках имеется тенденция использовать для выражения временных значений те же грамматические средства (предлоги и падежи), что и для передачи пространственных отношений.

в) с помощью причастно-деепричастных оборотов,

В агульском языке, помимо собственно деепричастных оборотов, распространены так назваемые конвербы - глагольные формы зависимой предикации со специализированным значением, которые в ряде случаев выполняют и роль придаточных предложений французского языка. С.Р.Мерданова [2004: 142] называет эти формы обстоятельственными и связывает их употребление с придаточными предложениями.

Лука 2: 42 **Lorsqu'il eut douze ans**, ils y montèrent

Iисайин цIeIу ис хьегуна*, адиная гебур, ... Ерусалимдиди*

когда Он был двенадцати лет, пришли они ... в Иерусалим

Лука 2: 43 Puis, **quand les jours furent écoulés**, et qu'ils s'en retournirent

XIа-ягъар кIиркIухаб*, дадна баб ушуная хулади*

Когда же, **по окончании дней праздника**, возвращались

Кроме того, подобным оборотам нередко соответствуют сочинительные конструкции. Ср.:

Лука 22: 40 **Arrivé** à cet endroit, il leur dit

Гисалди ***адегуна****, Iисайи гебурис пуная*

Придя же на место, сказал им

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало сопоставительное исследование структуры простого предложения и его отдельных компонентов во французском и агульском языках, осуществленное в настоящей диссертации, наблюдается значительная структурная вариативность на синтаксическом уровне, что обнаруживается не только в ходе межъязыкового сравнения, но и в пределах одного и того же языка, поскольку в обоих сопоставляемых языках отмечается широкий инвентарь либо морфологических, либо собственно синтаксических средств для передачи того или иного исходного значения.

Немотря на подобное синтаксическое разнообразие, можно выделить преобладающие синтаксические конструкции, составляющие специфику каждого из сравниваемых языков, поскольку они дают существенный контраст при сопоставлении. При рассмотрении выявляемых во французском и агульском языках различий в типологической перспективе можно прийти к следующим выводам: эти различия могут быть обусловлены, во-первых, наличием в рассматриваемых языках профилирующих черт соответственно номинативной и эргативной типологии и, во-вторых, преобладанием в их грамматической структуре характеристик аналитизма, с одной стороны, и синтетизма, с другой.

Значимость для типологического осмысления результатов сопоставительного анализа таких явлений, как аналитизм и синтетизм дает знать о себе уже при сопоставлении основных моделей словосочетания: так, использование в их структурной организации таких типов синтаксической связи, как согласование, управление и примыкание, непосредственно вытекает из развития именного и глагольного словоизменения: в частности, французский язык в большей степени тяготеет к согласуемым определениям, что в значительной мере сопряжено с функционированием в нем грамматической

категории рода; агульский язык, в свою очередь, отличается моделями с исключительным использованием примыкания.

В основе различных классификаций словосочетаний обычно лежит традиционная рубрикация частей речи в качестве базисного параметра при определения типа словосочетания. Применение этого принципа дает основание констатировать совпадение выделяемых в сравниваемых языках структурных типов словосочетания с оппозицией именных, подразделяемых далее на субстантивные, адъективные и нумеративные, прономинальных, адвербиальных и глагольных словосочетаний. Расхождения между сравниваемыми языками выявляются при сопоставлении отдельных разновидностей указанных типов, на что, как было отмечено выше, в значительной степени повлияли расхождения в морфологической структуре этих языков. Поскольку агульский язык утратил в ходе исторического развития грамматическую категорию класса – аналог категории рода, обнаруживаемой во французском языке, сохранив при этом категорию падежа, утерянную французским языком, согласуемым сочетаниям с зависимым прилагательным французского языка в агульском отвечают сочетания с примыканием. С другой стороны, генитивные агульские словосочетания находят свои соответствия во французских словосочетаниях с предлогом de.

В то же время далеко не все различия в структурной организации типов словосочетаний находятся в прямой зависимости от морфологических характеристик сопоставляемых языков. Например, словосочетания с зависимым числительным, несмотря на наличие категории числа в обоих языках, образуются по разным моделям оформления имени существительного - единственным числом в агульском и множественным во французском. Можно также предполагать отсутствие прямой зависимости тенденции агульского языка избегать несогласованных определений, за исключением генитивных, от

его морфологической специфики, в частности, от его многопадежности.

Основные различия между агульскими и французскими глагольными словосочетаниями заключаются, во-первых, в том, что во французском языке, как и в русском, именной компонент находится обычно в постпозиции, в то время как в агульском – в препозиции, и, во-вторых, в том, что во французском языке более распространено предложное управление, а в агульском языке, обладающем развитой системой пространственных падежей, в большей степени представлено падежное управление и гораздо реже – послеложно-падежное.

Дистинктивные признаки предложения, равно как и признаки, лежащие в основе классификации предложений, в сопоставляемых языках совпадают; здесь выделяются основные типы предложения в зависимости от их структуры, семантики и коммуникативных задач. К совпадающим характеристикам следует отнести и классификацию предложения в зависимости от отношения к действительности - утвердительные и отрицательные, по цели высказывания - повествовательные, вопросительные и побудительные, а по структурной организации - простые и сложные, односоставные и двусоставные, распространенные и нераспространенные, полные и неполные.

И в агульском, и во французском языке утвердительные предложения не имеют специальных показателей. Структура отрицательного предложения опирается на структурную схему соответствующего утвердительного и маркируется специальными средствами выражения отрицания – отрицательными частицами (франц.) и глагольными морфемами (агул.). При этом в агульском различаются форманты отрицания в зависимости от глагольного наклонения (прохибитив – индикатив и т.д.).

В противопоставлении повествовательных, вопросительных и побудительных предложений в обоих сопоставляемых языках немаркированными являются повествовательные предложения.

Вопросительные предложения французского языка выделяются инвертированным порядком слов, а также использованием дополнительного местоименного подлежащего. В агульском общевопросительное предложение маркируется специальным глагольным показателем интеррогатива.

Побудительные предложения в сопоставляемых языках используют, во-первых, повелительную форму глагола и, во-вторых, специальные формы косвенных нвклонений, в т.ч. выражающие побуждение по отношению к третьему лицу.

Восклицательные предложения обоих сравниваемых языков по своему содержанию передают эмоциональное отношение к содержанию высказывания, а с формальной точки зрения обладают характерной интонацией. Помимо интонации, в обоих сравниваемых языках подобные предложения используют лексические средства: междометия, специальные местоимения и наречия и т.п.

Неполные предложения достаточно употребительны в обоих рассматриваемых языках. Они классифицируются здесь на (1) контекстуальные, встречающиеся в диалогах или же в сложных предложениях, (2) ситуативные, восстановление опущенных членов в которых возможно лишь на основе внеязыковой ситуации, 3) эллиптические, в которых восстановление опущенных членов возможно на основе тех компонентов, которые представлены в данном предложении.

Рассмотрение грамматической структуры предложения в сопоставляемых языках в диссертации концентрировалось вокруг параметров, дающих возможность определить подлежащный хврактер субъектного или объектного имени, что имеет важное значение для полноценной характеристики типологических черт эргативности и номинативности. К этим параметрам относятся возможность внеконтекстного опущения субъектного или объектного имени, сочинительное сокращение с базовым подлежащим, координация с

субъектом деепричастия, соотнесенность с возвратным местоимением, кореферентное опущение или замещение в различных сложных конструкциях субъекта или объекта и др.

Как показывают материалы исследования, во французском переходном предложении может быть опущена позиция прямого дополнения. В агульском предложении факультативным без влияния на структуру предложения оказывается субъектное имя.

Во французском языке опущение субъектного имени сопровождается трансформациями в пассивные конструкции с подлежащим – прямым дополнением исходного предложения, изменением ориентации глагола или же введением безличного подлежащего on.

Черты различия между сопоставляемыми языками выявляются при рассмотрении согласования сказуемого с подлежащим, отмечаемого во французском языке. В агульском языке, в отличие от французского, наличествует согласование сказуемого с подлежащим в числе только в повелительном наклонении и при составном сказуемом с именной частью - адъективом.

С точки зрения падежного оформления именных членов предложения французской номинативной конструкции предложения в агульском соответствуют:

- абсолютная конструкция непереходного предложения, в которой подлежащее оформлено именительным падежом;

- эргативная конструкция предложения переходного предложения, в которой подлежащее оформлено эргативным падежом, а прямое дополнение – именительным;

- аффективная конструкция с дательным падежом при глаголе «любить, хотеть», «видеть» и т.п.;

- посессивная конструкция с постаблативом субъекта обладания.

В выражении подлежащего теми или иными частями речи в сопоставляемых языках наблюдается существенное сходство. Во французском языке имеются предложения с "фиктивным" подлежащим, т.е. местоимением il в соответствиях русским безличным предложениям, что не имеет места в агульском.

Сказуемое в обоих языках может быть как глагольным (простым или составным), так и именным (составным). Типичным способом выражения сказуемого является глагол. В составном именном сказуемом именная часть может быть выражена: (а) именем существительным, (б) именем прилагательным, (в) местоимением, причастием, наречием и т.п. Присвязочная часть в составном именном сказуемом во французском языке обычно следует за вспомогательным глаголом, а в агульском предшествует ему.

Специфику французского языка составляет также функционирование особой конструкции для выражения идеи местонахождения, наличия предмета в определенном месте с использованием оборота il y a, в то время как в агульском различаются глаголы «быть, являться» и «быть, находиться».

Порядок слов в сопоставляемых языках в целом следует за общими закономерностями, наблюдаемыми в языках эргативной и номинативной типологии. Так, в агульском, демонстрирующем эргативную типологию, имеет место схема словопорядка, присущая эргативной конструкции переходного предложения, - "Субъект – Прямой объект – Транзитивный глагол" (S – O – V), во французском – характерный для номинативной конструкции порядок S – V – O.

В число второстепенных членов предложения как в агульском, так и во французском языке входят определение, прямое и косвенное дополнение, обстоятельство. Различия в передаче различных видов дополнения в

сравниваемых языках обусловлены спецификой именной морфологии, а именно развитой падежной системой агульского языка, которой во французском отвечают разнообразные предлоги.

Способы выражения различных видов обстоятельств в сопоставляемых языках в основном совпадают (наречия, именные группы, деепричастные обороты). Наблюдаемые различия состоят прежде всего в падежно-послеложном (агульский язык) и предложном (французский язык) их оформлении. Несколько шире используются деепричастные обороты в агульском языке, в то время как во французском имеем сочетания инфинитива с предлогом, а также придаточные предложения, наряду с более широким использованием сочинительных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев З. Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука, 1971. – 479 с.

Айтемирова А. Х. Функционально-семантическая характеристика послелогов аварского языка и предлогов немецкого языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. - 25 с.

Алексеев М. Е. рец. на кн.: Тарланов З. К. Агулы их язык и история; Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка // ВЯ, 1995, № 5. – С. 152-156.

Алексеев М. Е., Сулейманов Н. Д. Агульский язык // Языки мира: Кавказские языки. М.: Academia, 1999. - С. 398-408.

Алексеев М. Е. Особенности определительных словосочетаний с зависимым существительным в русском и дагестанских языках // Кавказский вестник, 2001, № 3. — С. 199-204.

Алексеев М. Е. Русско-дагестанская сопоставительная лингвистика // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г. Г. Гамзатова. М., 2008. — С. 394-398.

Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. О роли сопоставительных исследований в области синтаксиса в дагестанской начальной школе (на материале сравнительного синтаксиса русского и лезгинского языков // Проблемы речевого развития дошкольников и младших школьников. М., 1993. – С. 110-119.

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. – 254 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

Ахмедов Г. И. Коммуникативные типы высказывания в лезгинском языке (в сопоставлении с русским). М., 1999. – 148 с.

Ахмедов Г. И. Общие вопросы в лезгинском и русском языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып.7. М., 1999. – С. 18-22.

Багамаева З. З. Типология простого предложения даргинского и русского языков: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. — 22 с.

Байрамова З. М. Глагольные словосочетания в табасаранском языке в сопоставлении с русским: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. — 22 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

Бокарев А. А. Аварское соответствие русскому творительному предикативному падежу // Язык и мышление. Т. X. М.; Л., 1940. – С. 15-47.

Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 277 с.

Велиева Э. А. Кошанский диалект агульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. —20 с.

Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Простое предложение. Махачкала, 1954. – 196 с.

Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Сложное предложение. Махачкала, 1963. – 204 с.

Гаджиев Н. Г. Фонетико-морфологические и лексические особенности керенского диалекта агульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2005.– с.

Газилов М. Г. Осложненное предложение в аварском языке в сопоставлении с французским: Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 2003. — 39 с.

Газилов М. Г. О разграничении однородных обстоятельств и смежных с ними синтаксических конструкций (на материале французского и аварского языков) // Вестник ДГУ. Махачкала, 1998. — С. 62-64.

Газилов М. Г. Предложения, осложненные обособлением в аварском языке в сопоставлении с французским // Семантика языковых единиц (на материале языков различных типологий). Махачкала: ДГУ, 2000. — С. 36-39.

Газилов М. Г. Осложненное предложение в аварском языке в сопоставлении с французским. Москва: Спутник, 2002. — 200 с.

Газилов М. Г. К вопросу о классификации осложненных предложений в аварском, французском и русском языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 11. М., 2003а. – С. 36-8.

Газилов М. Г. О предикативной основе аварского предложения в сопоставлении с французским // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 11. М., 2003б. – С. 38-43.

Гайдаров Р. И., Гасанова Р. Р. Арабский пласт лексики агульского языка. Махачкала, 1996. – 76 с.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977. – 300 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология: Учеб. для филол. фак. ун-тов, ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1986 — 312 с.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с,

Ганенков Д.С., Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Пространственные и непространственные значения локализации APUD ‘возле ориентира’ в агульском языке // Гора языков... и еще один. К 100-летию со дня рождения Е. А. Бокарева. М., 2006. – С. 27-61.

Ганенков Д. С., Мерданова С. Р. Семантика пространственных форм существительных в агульском языке // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. – С. 127-149.

Гасанова С. Н. О типах формального выражения подчинительной связи агульского языка в сопоставлении с русским языком // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. № 4-5 / Мин. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Махачкала, 2001. — С. 39-42.

Гасанова С. Н. Сравнительный анализ словосочетаний, выражающих комплетивные отношения в агульском языке (в сравнении с лезгинским и табасаранским) // Языкознание в Дагестане. № 7 / Мин. обр. РФ / Даг. гос. ун-т. Мх., 2004. – С. 34-42.

Голубева-Монаткина Н. И. Французская диалогическая речь в сопоставлении с русской (Вопросительное предложение). М.: Высшая школа, 1985.–

Даниэль М. А., Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке // Международный симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений»: Тезисы докладов. Казань, 2004.

Девришбекова А. Н. Простое предложение в лезгинском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2008. — 21 с.

Девришбекова А. Н. О структурных особенностях простого предложения в лезгинском языке в сранении с английским // Проблемы общего и дагестанского языкознания / ИЯЛИ ДНЦ РАН. Вып. 5. Махачкала, 2008а. — С. 135-137.

Девришбекова А. Н. Основные признаки простого предложения в лезгинском и английском языках // Вопросы типологии русского и дагестанских

языков / ДГУ. Махачкала, 2008б. Вып. 4. — С. 16-20.

Дирр А. Агульский язык (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 37). Тифлис, 1907. – V + 168 с.

Загиров З. М. Сопоставительная грамматика русского и дагестанских языков. Махачкала, 2002. – 287 с.

Залова И. М. Сопоставительный анализ варьирования пословиц и поговорок в лезгинском и немецком языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. – 22 с.

Ибрагимов Г. Х. Роль сопоставительно-типологического описания в лингвистическом обосновании процесса обучения русскому языку // Повышение .качества обучения в дагестанской национальной школе. Махачкала, 1989.

Инджил. Идже хабар. М.: ИПБ, 2005 (на агул. яз.).

Иорданская Л. Н. Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск: Наука, СО, 1967. –231 с.

Исламова У. А. Особенности выражения сказуемого в аварском и английском языках // Дагестанский лингвистический сборник. М., 1996. Вып. 2. – С. 32-36.

Исламова У. А. Побудительные и восклицательные предложения в аварском и английском языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 2. М., 1996а. – С. 29-31.

Исламова У. А. Простое предложение в аварском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. – 22 с.

Исрапова А. И. Сопоставительный анализ синтаксических структур даргинского и английского языков: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. — С. 21 с.

Исрапова А. И. Обстоятельство места в английском и даргинском языках //

Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 8. М., 2000. — С. 24-28.

Исрапова А. И. Обстоятельство времени в английском и даргинском языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 9. М., 2001. — С. 7-12.

Исрапова А. И. Особенности выражения сказуемого в даргинском и их соответствия в русском и английском языках // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 10. М., 2002. – С. 64-68.

Исрафилов Н. Р. Фитинский говор агульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. – 21 с.

Каидов З. Г. Словообразование в агульском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. – 25 с.

Какваева С. Б. Субстантивные словосочетания в лакском и русском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. — 24 с.

Каручева Ш. У. Сопоставительное исследование именных словосочетаний в русском и табасаранском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Кибрик А. Е. Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики: Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 1976.

Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности: 4. Табасаранский язык; 5. Агульский язык. М., 1979. - 51 с.

Кибрик А. Е. Константы и переменные в языке. С-Пб.: Алетейя, 2003. - 719 с.

Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. – 264 с.

Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. – 304 с.

Корди Е. Е. Оптатив и императив во французском языке. СПб.: Нестор-История, 2009. - 220 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская

энциклопедия, 1990. – 685 с. [ЛЭС]

Магомедов М. И. Субъектно-объектные отношения в аварском языке и категория залога в аварском языке. М., 2003. – 234 с.

Магомедова Э. Д. Фонетика буркиханского диалекта агульского языка. Махачкала, 2000. — 40 с.

Магомедова Э. Д. Фоно-морфологические и лексические особенности буркиханского диалекта агульского языка: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2001. – 18 с.

Магометов А. А. Агульский язык // Языки народов СССР. Том IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 562-579.

Магометов А. А. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси, 1970.

Мадиева Г. И. Некоторые вопросы сопоставительной грамматики русского и аварского языков (В помощь учителю русского языка в аварской школе). Махачкала: Дагучпедгиз, 2-е доп. изд. 1991. – 73 с.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Система пространственных превербов в агульском языке // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. — С. 251-294.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе // ВЯ, 2003. № 6. — С. 76-107.

Майсак Т. А., Мерданова С. Р. «Проверятельная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2003а. — С. 430-455.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963, вып. 3. – С. 366-566.

Матиева З. С. Именные словосочетания в русском и лезгинском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. — 18 с.

Мерданова С. Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка / ИЯз РАН. М., 2004. – 202 с.

Мерданова С. Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора): Автореф. дис.... докт. филол. наук. М., 2004а. – 52 с.

Мерданова С. Р., Гасанова С. Н. Социолингвистический портрет агульского языка // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 1997. — С. 124-8.

Мерданова С. Р., Федорова О. В. Дейктическая система хпюкского говора агульского языка // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. – С. 220-231.

Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. – 248 с.

Мухин А. М. Системные отношения переходных глагольных лексем. Л.: Наука. ЛО, 1987. – 292 с.

Реферовская Е. А., Бокадорова Н. Ю., Гулыга О. А., Челышева И. И. Французский язык // Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. - С. 192-249.

РГ: Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. – 709 с.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.

Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

Сулейманов Н. Д. Склонение имен существительных в керенском диалекте агульского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979. – С. 96-108.

Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. – 210 с.

Сулейманов Н. Д. Глагольная фразеология агульского языка. Махачкала, 2002. – 190 с.

Сулейманов Н. Д. Агульско-русский (диалектологический) словарь. Махачкала, 2003. – 220 с.

Тарланов З. К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994. – 287 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. — 656 с.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. – 797 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. – 263 с.

Успенский Б. А. Опыт трансформационного исследования синтаксической типологии // Исследования по структурной типологии. М., 1963.

Чикобава А. С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках // Эргативная конструкция в языках различных типов. М., 1967. – С. 10-32.

Шаумян Р. М. Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем). М.–Л., 1941.

Шейхов Э.М. Лексико-грамматические классы глаголов в лезгинском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1983.

Шейхов Э.М. Сравнительная типология лезгинского и русского языков: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Махачкала, 1994. – 51 с.

Шейхов Э.М. Сопоставительная грамматика лезгинского и русского языков. Морфология. Синтаксис. М.: Academia, 2004. – 262 с.

Шерифова Э. М. Валентностные характеристики глаголов движения в лезгинском и английском языках: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. —18 с.

Юсупов У. К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М., 1987.

– С. 193-200.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: Наука, 1981. – 111 с.

Authier G. Elements de grammaire Alık (dialecte Kryz, langue caucasique d'Azerbaïdjan). 2008.

Charachidzé G. Grammaire de la langue Avar (langue du Caucase Nord-Est). Editions Jean-Favard, 1981. — 209 p.

Dubois J. et Dubois-Charlier F. Eléments de linguistique française: Syntaxe. P., 1970.

Dumézil G. Introduction a la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1933.

Dumézil G. Recherches comparatives sur le verbe caucasien // Bibliotheque de l'Institut français de Leningrad. Paris, 1933a, XV.

Dumézil G. Morphologie comparée et phonétique comparée (A propos des tongues caucasienes du Nord). – BSLP, 1937, t. XXVUI, f. I.

Paris C. Système phonologique et phénomenes phonetiques dans le parler besney de Zennun Köyü (Tscherkesse oriental). Paris: Librairie C.Klincksiek, 1974.

Tchekhoff C. Aux fondements de la syntaxe: l'ergatif. Paris: Presses Universitaires de France, 1978. – 202 p.